

Юрий Каминский

Вся дорога – впереди

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Юрий Каминский

СТИХИ,
написанные в стол

В ТРЁХ ТОМАХ

Редакторы *д-р М. Райк, В. Цорн*
Компьютерная вёрстка *Т. Крук*

Каминский Ю.

Стихи, написанные в стол (в трёх томах) / Том I / Вся
дорога – впереди. — К.: Свет на Востоке, 2018. — 224 с.
Издание первое.

Отпечатано в типографии CPI, Ulm

Изд. № 01.373

ISBN 978-3-944772-24-0

© «Свет на Востоке», 2018.

Юрий Каминский

ВСЯ ДОРОГА – ВПЕРЕДИ

Том I

Что сквозь горькие тревоги
Суждено ему пройти,
Чтоб понять в конце дороги:
Вся дорога – впереди.

Стихи за 2000–2002 гг.

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Предисловие

Настоящее издание представляет собой собрание стихотворений Юрия Зиновьевича Каминского. В трёхтомник включены по возможности все стихотворения последних лет. Каминский регулярно присылал в миссию все свои новые стихотворения, делясь с нами своим видением мира, своими переживаниями и воспоминаниями. Он не претендовал на их издание, он писал, потому что не мог иначе. Этим и объясняется название трёхтомника его произведений.

Юрий Каминский – поэт исключительного дарования, что называется, поэт от Бога. И это ощущается в каждой строчке, вышедшей из-под его пера. Его творчество очень оригинально, его невозможно спутать как ни с одним из «раскрученных» в советские времена лауреатов с трубным голосом, так и ни с кем из подлинно прославивших русскую литературу выдающихся мастеров слова с их своеобразным и индивидуальным бельканто*. Особенно впечатляют присущие

* Бельканто – техника виртуозного пения.

Каминскому неожиданные сравнения, необычные противопоставления и сильные образы.

Как и большинство настоящих поэтов, он весь в своих стихах, в них вся его жизнь, жизнь поколения детей войны и трудного послевоенного времени. В стихах поэта и голодное босоное детство с его слиянием с природой родного края, детство, спустя полвека кажущееся радостным и светлым, и пребывание на Крайнем Севере, и тяготы солдатской лямки. Но через всё его творчество красной нитью проходит вера: его вера в Спасителя, вера в искупительную жертву на Голгофе. И глубокая благодарность Богу за всё, что Он предопределил миру и лично поэту. Юрий Каминский – поэт христианский, но не из тех показушных, кто, бия себя в грудь, постоянно твердит об этом, а такой по своей сути, по своему отношению к жизни и смерти, вечному и преходящему. Поэт не проповедует христианские догмы, а живёт в соответствии с ними. Как истинный поэт он воспекает свободу – свободу, прежде всего, духовную, данную человеку Творцом, и призывает «милость к падшим».

Вера, доверие Богу, неразрывно связывает в стихах Юрия Каминского земное с небесным,

то и другое переплетается в его мироощущении, одно сквозит через другое, что во многом определяет оригинальный стиль поэта.

В настоящее издание вошли стихи, посвящённые не только дорогим ему людям, но и важным для поэта событиям, своеобразным вехам на его жизненном пути. Как сказал Антуан де Сент-Экзюпери, мы все родом из детства, поэтому, особенно в преклонном возрасте, возвращаемся воспоминаниями туда, в наше прошлое. Исключительно пронзительны строки памяти, посвящённые солдатской вдове – матери поэта, образ которой озарён светом любви и чувством неоплаченного сыновнего долга. Глубоки и нежны строки, посвящённые сестре, делившей с ним радости и горести трудного послевоенного детства. Навсегда остались в памяти поэта и Чукотка, и стройбат.

В издании представлены и стихи на еврейскую тему. Поскольку вся жизнь поэта во многом определялась его еврейством, эта тема, наряду с темой творчества, темой веры, проходит через всё творчество Каминского и, конечно, не оставляет в покое его память. Здесь же, естественно, помещены и стихи, относящиеся к роли еврейского народа,

предопределённой ему Творцом, и отражающие отношение поэта к своему еврейству.

Для читателя поэт всегда молод, потому что поэзия – это сама молодость, а настоящий поэт всегда молод душой. Так и Юрий Каминский в творчестве молод, хотя представляемые читателю стихи написаны, когда он был уже «за перевалом», шёл, по словам Шолом-Алейхема, «с ярмарки», то есть в некоторых стихотворениях он оценивает результаты прошедших лет. Эти стихи как бы подводят итоги жизненного пути, конец которого ему казался уже не за горами. Отсюда и печаль, зримо ощущающаяся в стихах, печаль «идущего с ярмарки». Но этот конец несколько не страшил Юрия Каминского, ибо он жил с Богом и готовился уйти на Небеса – в Его Царство. Поэтому его печаль, зачастую навеянная воспоминаниями о близких, о навсегда ушедшем, светла, ибо она озарена светом Божьей истины. Хотя порой создаётся впечатление, что ему трудно преодолеть эту печаль, уж очень человек крепко прирос к земному.

Стихи Юрия Каминского посвящены природе, обращены к дорогим и близким людям, относятся к определённым событиям; и, конечно,

непосредственно обращены к Творцу стихимолитвы. Стихи поэта проникнуты мыслью: что бы ни происходило с нами, люди, верящие Его Слову, доверившие свою жизнь Богу, находятся в тени Его крыльев. И всё, что происходит вокруг, во всём мире или в отдельной семье, всё предопределено и вдохновлено Богом. Он единственный суверенитет во всей Вселенной. Всё, что должно произойти, непременно произойдёт. Но при этом человек сам решает свою судьбу, сам выбирает, с кем он – с Богом или нет. То есть всё предопределено, но свобода дана, свобода выбора. Во всём творчестве Юрия Каминского всё сплетено – плотское и духовное, одно влияет на другое и наоборот, земля и небо – суть единое творение Великого Мастера.

Желаем читателям удовольствия и радости от соприкосновения с миром поэта, миром земных и возвышенных чувств.

Д-р Марк Раик

Когда уже совсем невмоготу

Когда уже совсем невмоготу,
И на душе одни дожди косые,
Мечтаю я: в двухтысячном году
В наш грешный мир опять сойдёт Мессия.

Когда меня пытаются на излом,
Шепчу себе я: «На судьбу не сетуй,
Крепись! Он, может, рядом, за углом
Вот этого столетья иль рассвета».

Когда с овчинку небо, когда рот
Корёжит от задушенного стона,
Приходит вдруг уверенность: вот-вот
Господь всех нас окликнет поимённо.

И, разметав сомнений вороньё,
Промыв любовью каждое оконце,
Он, в первое пришествие Своё
Неузнанный, затмит Собою солнце.

1999 год

Мёд

Там, за рекой, над прохладой росных
Трав луговых, вся от солнца смугла,
Целыми днями с цветов медоносных
Сладкую дань собирает пчела.

Дань, что, как дымка рассветная, тает,
Дань, от которой хмелеешь слегка,
Дань, что течёт по усам, попадая,
Если не в рот – в сказку наверняка.

Слух напрягаю и слышу гуденье,
Нету, наверное, счастья верней,
Если в высоком живёшь напряженье
Небу угодной работы своей,

Если однажды, как высшая радость,
Перед которой пасует тоска,
Пота седьмого медовая сладость
Станет понятна тебе и близка.

Мёд – хорошо! Но спрошу я, пожалуй,
Тот, кто судьбою испытан, поймёт:
Без неподкупного грозного жала
Был бы ль так сладок божественный мёд?

6 октября 2000 г.

Первобытный охотник

В боку не утихает колотьё,
Всего себя в погоне долгой выжав,
Он поднимает медленно копьё,
Как будто бы судьбе бросает вызов.

А загнанный олень дрожит в тоске,
Очеловечившей глаза оленьи –
И дрогнуло копьё в его руке,
И опустилось, словно на колени.

И вдруг узрел пещерный человек,
В душе услышав чудные напевы, –
Луна расположилась на ночлег
В рогах, похожих на большое дерево.

Волненьем человеческим храним,
Олень скользит в заснеженные кущи,
И кротко расступились перед ним
И эта ночь, и тьма веков грядущих.

А троглодит, прижав копьё к груди
И дух весенний чуя в атмосфере,
Не знал, впервые зверя пощадив,
Что он убил в своём потомке зверя.

17 октября 2000 г.

Год 1947-й

(Воспоминание)

Безногая с косой
Стояла у порога,
А он, как дождь косой,
Шёл, ослабевший, к Богу.

Мутилось в голове,
Но, как на свет в окошке,
Он шёл к больной вдове
С куском ржаной лепёшки.

Он шёл, похож на тень,
Господню славу множа,
Всю жизнь и третий день
Питаясь Словом Божьим.

Его давно уж нет,
Но знаю хорошо я:
В душе не сгинет свет,
Затеplенный душою.

И потому не в счёт
Ни голод, ни разруха.
Жизнь вечную пожнёт
В дух сеющий от духа.

21 октября 2000 г.

Весна

Ночь враз в белопенный огромный сугроб
Цветущих садов провалилась,
И звёзды у неба полезли на лоб,
Высокий, как Божия милость.

Студёные росы созрели в траве,
И, в стих мой тропинку разведав,
Лягушки, которые царских кровей,
Мне спать не дают до рассвета.

И, сердце волнуя, зарницы вдали
Сверкают, как детские пятки...
И вновь у летящей сквозь звёзды Земли,
Счастливый стою на запятках.

Мы жили, случилось, во лжи и во зле,
Висели над бездной, случилось,
Но Бог вдруг открыл мне: на этой земле
Весна никогда не кончалась.

30 октября 2000 г.

Гончар

Горшки не боги, знаю, обжигают,
Но Божьей искрой каждый свой горшок
Он обжигает, ибо потекает
Его таланту Всемогущий Бог.

Вращается, семью планет украсив,
Как на оси времён, гончарный круг,
И ничего на свете нет прекрасней
Ласкающих сырую глину рук.

И мне вдруг показалось: эта глина
Наделена живительным теплом.
Не потому ль, что в горле у кувшина
Волненья своего горячий ком

Оставил безымянный мастер, сиясь
Нас уберечь от лени и тоски,
Чтоб никогда, нигде не разучились
Мы обжигать божественно горшки?

1 ноября 2000 г.

Птицы летят на юг

Птицы летят на юг
Мимо родного рассвета,
Птицы летят на уют
Непреходящего лета.

Птицы на юг летят,
Хватит в нужде им биться!
Видно, пожить хотят
По-человечески птицы.

Всё это, как побег
В мир, где цветы не вянут,
Но до молочных рек
Многие недотянут.

Не потому ль плывёт,
Как стон, караван их серый?
Им незнаком полёт
Душ, окрылённых верой.

Птицы летят на тепло,
Что ж, ни пера ни пуха,
Но им не встать на крыло
Верой окрепшего духа.

«Верны мы своей судьбе», –
Слышу в их криках унылых.
Что ж, пусть летят себе –
Что с них возьмёшь, с бескрылых?

3 ноября 2000 г.

«Курск»

В последний раз мелькнула твердь,
И вот уже вокруг иная
Стихия, и никто не знает,
Что впереди по курсу – смерть.

Треск переборок, рёв воды,
Несущейся катком свинцовым...
И впрямь, кто люб богам суровым,
Тот умирает молодым.

И никого уже в живых...
И стон меня бессильный душит:
«О Господи! Спаси их души
И души тех, кто предал их,

Чтоб знали мы, когда вода
Смыкается над нами немо,
Что в наших лёгких купол неба
Не захлебнётся никогда.

И помнили до грани дней,
Что где-то Баренцево море
Шумит, как продолжение горя
Вдов молодых и матерей».

4 ноября 2000 г.

Последний трамвай

Последний трамвай дребезжит за окном
Так скорбно-отчаянно, будто
Кричит: «Я – последний на шаре земном,
И больше нас делать не будут».

Последний трамвай, отвези меня вдаль,
Где дней уходящих нисколько
Мне, знающему с бессмертьем, не жаль,
Ведь жизнь начинается только.

Там лошади бродят при полной луне,
Стреноженные медуницей,
Там в маминой хате висят на стене
Часы не с кукушкой – с жар-птицей.

Там, вовсе не чуя (в том вся благодать)
Себя перекатною голью,
Я запросто к Богу могу забежать
За спичками или за солью.

Но время пытается меня на излом,
И кто по чьему брошен следу,
Не знаю... Трамвай промелькнул за окном.
А вдруг он, и правда, последний?

4 ноября 2000 г.

Обращение к душе

Ночь над землёй волшебна хороша,
И я шепчу, прижавшись сердцем к лире:
«Не предавай меня, моя душа;
Что без тебя я значу в этом мире?

Не предавай, не оставляй меня,
Не позволяй по плоскости наклонной
В объятия нечистого огня
Скользить под грустный шелест звёзд и клёнов.

Моя душа, прошу не отдавай
Меня чужим страстям на растерзанье,
Крепись, когда, бывает, как на чай,
Тебе дают пустые обещанья.

Моя душа, храни меня, храни!
Я чувствую, тебе под силу это,
Поскольку ты в душе всегда сродни
Ничем не замутнённому рассвету.

Пусть будут мои помыслы чисты
Отныне и до смертного порога...
Ты у меня одна. И только ты
Защитница моя пред вечным Богом».

6 ноября 2000 г.

Утро в степи

Лошади имеют память родовую,
А иначе как бы объяснить я смог,
Почему вдруг лошадь, закусив степную
Зорьку, рвёт уздечку, как гнилой шнурок?

И века в подковы, словно в рог бараний,
Вмиг согнув, почти что не касаясь трав,
Мчится к горизонту летним утром ранним,
Воздухом пьянящим лёгкие взорвав.

Ни руки хозяйской, ни кнута над нею –
Только ветер встречный и рассветный свет...
Никогда на свете ничего важнее
Неклеймёных ветров не было и нет.

И гляжу я жадно вдаль, где, точно знаю,
Как ни грустно это, нет уже меня,
Но зато в даль неба лошадь вороная
Мчится, бубенцами вечности звеня.

11 ноября 2000 г.

Евреи в пустыне

Бурдюк воды последний выпит,
И ропот стаей воронья
Опять взлетел: «Назад! В Египет!
Где вдоволь хлеба и питья!»

Шныряет страх ночной, как крыса,
По вздыбленной сетчатке глаз:
«Скорей назад, туда, где крыша
Над головой была у нас!»

Туда? В холодное презренье,
Где, как по лезвию ножа,
Тупея в сытом унижении,
Ходила каждый день душа?

Песков синайских жар не стынет...
Неужто здесь им умирать?
Но во сто крат трудней пустыню
Души слепой одолевать.

Век двадцать первый у порога,
Но я открыл иную суть:
Длиною в сорок лет дорога
Ещё не кончилась. Так – в путь!

И пусть в пути нас вера греет,
Дав пищу сердцу и уму,
Покуда мы в пути, евреи, –
Не сокрушить нас никому.

21 ноября 2000 г.

Перевязанный маминой шалью

(Из детства)

Перевязанный маминой шалью,
Я глазеть неустанно готов,
Как сверкает отточенной сталью
Снег с чеканкой вороньих следов,

Как в холодную ширь небосвода,
Притяжение земное поправ,
Дым струится из труб, через годы
Детства, розовой дымкою став.

А вокруг так светло и так чисто
От сошедших на землю снегов!
И звенит тишина, как монисто,
У подножья речных берегов.

И над каждой хатой упрочив
Каждой звёздочкою небосвод,
Как вселенская музыка, ночью
Треск морозов крещенских плывёт.

20 января 2001 г.

Птицы

Над речкой набухшей, над рощей кленовой,
Над старой отцовской криницей,
Шалея от счастья, вдоль неба седьмого
Домой возвращаются птицы.

Остались на дальнем и ближнем востоке
Короткие душные ночи,
Родного, прогретого воздуха токи
В поджатые лапки щекочут

Усталую птаху, чьи крылья пропахли
Чужими пассатом и бризом...
Но вот и берёзки, они не зачахли,
Растут над знакомым карнизом.

И рвётся из птичьей простуженной глотки
Подмявшая землю кручина
О тех, кто, о стаю летучей селёдки
Споткнувшись, свалился в пучину.

Но ближе и ближе родное гнездовье,
И птицы, в весеннем ударе
Почти человеческой бесстрашной любовью
Ведомые, крылья мне дарят.

21 января 2001 г.

Как мог я...

Жизнь на излёте. Близок срок.
И у предвечного порога
Я задаю вопрос: как мог
Десятки лет я жить без Бога?

Как мог без Господа я быть?
Не очищать молитвой душу?
Как мог я столько лет не бить
В колокола, а бить баклуши?

Как мог я, с петухами встав,
Не чують над звенящей рожью:
Уже с утра мои уста
Пригублены змеиной ложью?

Как мог я, славя новый день,
Цветущим лугом глаз насытив,
На Божий наводить плетень
Тень, видя солнышко в зените?

И лишь теперь, на склоне дня,
Согретый вечным светом Слова,
Я понял: ждёт Господь меня,
Как я – Пришествия второго.

26 января 2001 г.

Монолог солнца

Над ширью бескрайних просторов степных,
Над льдами, над лугом цветущим,
Не зная ни отпуска, ни выходных,
Я, Солнце, Отцом всемогущим

Зажжённое, свет свой дарую земле...
Но – время делиться секретом –
Наверно, в крошечной зачало б я мгле,
Когда б человек своим светом

Со мной не делился и утром, и днём,
И глядя в закат быстротечный...
Что свет мой, когда не согрет он огнём
Взорвавшейся мышцы сердечной?

Без веры, в крутых закалённой снегах,
Без кроткой бессонной лампадки,
Что свет мой без ночи, живущей в глазах,
Ослепшей от горя солдатки?

Я видело много за много веков,
Я, люди, живу только вами,
И пятна на мне – отраженья кругов,
Лежащих у вас под глазами.

Открылась мне истина – нету важней
Её на моём небосводе:
Я – Солнце, и свет мой идёт от людей,
Чей свет никогда не заходит.

28 января 2001 г.

Вся, как лунь, седая

(Май, 1945 год)

Всё лучше понимаю я с годами,
Бегущими как будто всё быстрее,
Чем я обязан нашей тихой маме,
Отдавшей нам тепло души своей.

Я не забыл далёкие те ночи,
Как таял облаков нежнейший дым
И майский ветер головы морочил
Восторженным берёзкам молодым.

А мы сидели у разбитой печки,
Дыханье затаив, чтоб иногда
Услышать вдруг, как, остывая в речке,
Шипит с небес упавшая звезда,

Как у соседских баб идут по коже
Мурашки от дотла сгоревших хат,
Как степь вдаль звенит росой, а может,
Костями пропавших без вести солдат.

И мама наша, вся, как лунь, седая,
Шептала, слёз прикушенных полна:
«Не тишина плывёт, а весть благая
Над миром, где закончилась война».

31 января 2001 г.

Исаак Бабель

Ему бы перо вдохновенно макать
В чернила, хмельные, как бражка...
Но тихий очкарик учился махать
Отточенной яростью шашкой.

Он Тору забыл, он субботу забыл,
Чревата такая беспечность...
И голос подсудный тревогу забил:
Не взять революцию в вечность!

Виски невесёлой догадкой свело
Над ртом, задохнувшимся немом:
Не вырубить саблей вселенское зло,
Не вычерпать ненависть шлемом.

Не можно, отдавшись весёлым словам,
Стать сердцем щедрей и моложе.
И пусть от одесского смеха по швам
Трещат в Туруханске морозы.

Не страшно, что где-то звенит мерзлота
Почище будённовских сабель,
Когда так бессмертно и весело так
Смеётся расстрелянный Бабель.

3 февраля 2001 г.

Бессонница

На луну глазею я,
И опять мне вроде слышится,
Как бессонница моя
В лунных кратерах колышется,

Как звучит она в виске
Кровью, риском полированной,
Как звенит она в строке,
Из летучих звёзд откованной,

Как на кухне, за стеной,
Потревожена зарницею,
То ли осью вдруг земной
Скрипнет, то ли половицею.

Ночь бессонницей полна,
Как весна – огня сердечного,
И становится она
Продолженьем неба вечного.

Ах, бессонница! Нет слов.
Вновь тобой душа раскована.
Слаще самых сладких снов
Ты, коль Господом дарована.

5 февраля 2001 г.

Созвездие Гончих Псов

За рекою, как мамины грядки
От полночной озябли росы,
Мчатся, вечность хватая за пятки,
Неустанные Гончие Псы.

Снова хочется гладить мне вволю,
Как я гладил когда-то, лет в шесть,
То ли звёзды колючие, то ли
Дыбом вставшую рыжую шерсть.

Мчатся Гончие Псы, молчаливы,
Неприступны и дики, полны
Жгучих тайн, и собаки трусливо
Вслед им тьякают из-под луны.

Жаркой грудью пространство пронзая,
Мчатся Гончие Псы – не догнать,
Но готов я всю ночь, как борзая,
На край света за ними бежать.

И однажды, пройдя сквозь мытарства
Этой жизни, Всевышнему люб,
На просторах Небесного Царства
Гончих Псов я из рук покормлю.

7 февраля 2001 г.

Тихим вечером

Загустела тень за хатой,
От росы совсем сырая,
И последний луч заката,
Как надежда, умирает.

Но с высокого крылечка
Вижу я: над полем хлебным
Тишина стоит, как свечка,
Светом кротким и целебным,

Как всегда, согрев мне душу,
Музыкой наполнив воздух,
И, как тысячи отдушин,
Небо мне дарует звёзды.

Я стою, притихший, смирный,
За калиткой, на природе,
Тишина в меня и в мир наш
Ипостасью Бога входит.

Поседел давно мой волос,
Тяжело поникли плечи.
Ночь пришла. Но с неба – голос:
«Я с тобой. Ещё не вечер!»

9 февраля 2001 г.

Сентябрь

Стоит сентябрь в расцвете сил
Над речкой, где пожар осин
В огне заката отражается,
Где щука – рыбы нет страшней –
В бессонном страхе карасей
Как в масле сыр себе катается.

Я в воду камешек швырну,
И будет медленно ко сну
Речушка отходить кругами,
Туда, где вьётся мошकारа,
Где медную луну вчера
Русалки драили хвостами.

И вдруг подступит к горлу ком,
Иль та звезда, что над холмом,
Едва взойдя, в меня сорвётся...
А на рассвете за жнивьем
Мы с деревянным журавлём
Синиц покормим у колодца.

А утром, бросив в дрожь меня,
Полынь у нашего плетня
Седыми росами расплатится.
И будет ветер над страной,
И осень за стихи со мной
Кленовым золотом расплатится.

10 февраля 2001 г.

Притихли трусливо дворяжки

Притихли трусливо дворяжки,
И, смяв мои сладкие сны,
От волчьего воя мурашки
Пошли по спине у луны.

И льдом, словно обручем, реку
Стянув, среди лип и берёз,
По швам уходящего века
Трещит над землёю мороз.

И сладить со страхом не в силах,
Бросается кровь то в виски,
То стынет отчаянно в жилах
От волчьей протяжной тоски.

Из тьмы первобытной звериной
Плывёт нарастающий вой,
Но трелью взлетел соловьиной
Далёкий гудок заводской,

Чтоб я, благодарный, мог снова
Трудиться и песню творить.
Дал Бог мне работу и слово –
Что с этим богатством сравнить?!

14 февраля 2001 г.

Монолог зла

Уже несчётные века
Я на земле. Мне жить негоже
В добре. Могуче я, пока
Себя неутомимо множу.

Детишки, словно мухи, мрут,
Землетрясение иль женою
Обманут муж – я тут как тут,
И злые силы все со мною.

Когда идёт на брата брат
И забывают люди Бога,
Я крепну, я расту, и в ад
Я есть кратчайшая дорога.

Я – зло вселенское. И впрямь
Тем лучше мне, чем людям хуже,
И никаким богатырям,
Коль злы они, со мной не сдюжить.

Легко мне город сжечь дотла,
Как в пламени исчезнуть мошке.
Я – зло. Но не хватает зла
Мне, чтоб задуть свечу в окошке.

Почти бессмертно, я старо,
Как мир, и всё ж хочу сказать я,
Что гибну я, когда добро
Распахивает мне объятья.

15 февраля 2001 г.

Верующему

Нет знания важней твоего:
В тот мир, что за гранью земной,
Отсюда не взять ничего –
Лишь то, что у нас за душой.

Ни слава, ни грозный мундир
Значения там не имеют –
Лишь свет, от которого мир
Вокруг становился светлее.

Лишь свет, за который Господь,
Суля нам эдемские выси,
На муки взошёл, Свою плоть
До этого света возвысив.

И что бы там мир ни рядил,
Надёжнее нету опоры,
Чем свет за душой, но который
Всегда и везде – впереди.

16 февраля 2001 г.

Воспоминание о рыбной ловле

Весь загорелый дочерна,
Я к речке через огороды
Спешу. И солнце после сна,
Не зная броду, лезет в воду.

Ловитесь, линь – тугой бочок,
И язь, горящий самоцветом,
А на крючке не червячок –
Я сам болтаюсь на крючке том.

Ловитесь, окунь и плотва!
Долой и удочки, и сети!
Ловитесь на мои слова,
Чтоб дольше вам прожить на свете.

Уже давно не мальчик я,
И в облаках я не витаю,
Но детство в море бытия
Горит, как рыбка золотая.

Не потому ль светло мне жить,
Что в век наш трудный, неуютный
Я рыбку до сих пор ловить
В воде не научился мутной?

17 февраля 2001 г.

Звезда в окне

Чиста, как горная вода, –
Весенним вечерам осанна, –
Живёт в окне моём звезда
Под шелест старого каштана.

Не вихрь взбесившихся реклам,
С чьим буйством сладить нету мочи,
А сотни лет летевший к нам
Свет, отопревший мои ночи.

Не за морями, не во сне
И не во лбу царевны: может,
Звезда живёт в моём окне,
Чтоб я увидел небо, Боже?

Чтоб жил я кротко, не кляня
Дней сумасшедших быстротечность,
И знал: в запасе у меня
Тобой дарованная вечность.

26 февраля 2001 г.

Мартовский гололёд в 1946 г.

Мокрый снег. Мороз. И вот
Я охвачен грустью:
За окошком – гололёд,
И гулять не пустят.

Я смотрю подбитой влёт
Птахой... Делать что же?
Я готов себе об лёд
Нос расквасить, может.

Не страшат меня ничуть
Синяки и шишки,
Мне бы только в мир шагнуть,
Где друзья-мальчишки

Дружно, кто во что одет,
Сытые не дюже,
Высыпали на рассвет,
Застеклённый в луже.

Мама сжалилась. Лечу!..
Иль мне это снится?
Из-под старой шапки – чуб,
Как перо жар-птицы.

Нараспашку пальтецо
И душа, конечно,
И горит моё лицо
Вровень с солнцем внешним.

И, храня который год
От любых напастей,
Тот далёкий гололёд
Не даёт упасть мне.

28 февраля 2001 г.

Моим друзьям

Что ж, таков закон, и он угоден
Богу. Но под дых меня разя,
В мир иной друзья мои уходят,
Ах, какие верные друзья!

По сердцам их, день и ночь радевших
О судьбе измученной страны,
Мчалось время, в кудрях поредевших
Высекая искры седины.

Покидают этот мир до срока,
На себя чужие взяв грехи,
Мужики без страха и упрёка,
Рыцари от слова и сохи.

Над землёю – полдень. Море света.
Но тускнеет этот свет, заметь,
Не с того ли, что, впадая в Лету,
Грустно льётся траурная медь?

И когда почувствую: жар-птицей
Гаснет жизнь на дне небритых щёк –
Дай мне, Боже, силы помолиться
За друзей ещё раз. И ещё.

2 марта 2001 г.

Синайская пустыня

Песок и камень. Камень и песок.
Неумолимо давит зной Синая,
Как, может быть, давил бы на висок
Ствол пистолетный, в холод вас бросая.

Слепящим зноем перекошен рот,
И в жилах кровь – ленивей всё и гуще,
Но дышит мне в затылок мой народ,
Пустыней сорок лет уже бредущий.

Безжалостна песков горячих власть...
Неужто упаду я, бездыханный?
Но не дают мне всё-таки упасть
Все те, кто не узрел Обетованной

Земли и в раскалённый прах костями
Лёг, чтоб другим вовек с пути не сбиться
И чтоб увидел потрясённый мир:
Сбылось, чему велел Всевышний сбыться.

От зноя можно на стену полезть,
Но разве Божья воля не со мною?
И мнится мне, что даже вечность здесь
Горит неопалимой купиною.

3 марта 2001 г.

В начале марта

В прошлом – зимняя кручина,
Подобрел бездомный пёс,
Длинный, как у Буратино,
У сосульки тает нос.

Возвращая миру юность,
Таёт лёд на Ингульце,
Но ещё быстрее – угрюмость
У соседа на лице.

Небо бледно-голубое
Стало ласковей, светлей,
И проходим нет покоя
От сорочьих новостей.

Дуб могучего сложенья
Выжил вьюгам вопреки –
Под корой пришли в движенье
Соки, как материи.

И такая ширь в пространстве,
И такая высь небес,
Что могучий ветер странствий
В каждом облачке воскрес.

И под этой вещей сенью
Марта чудится порой:
То ли правит дух весенний
Миром, то ли – Дух Святой.

4 марта 2001 г.

Помощь Спасителя

Горечью мир этот люди насытили...
Я в одиночку бороться устал
И призываю на помощь Спасителя,
Чувствуя, как набухают уста

Небом весенним, как сердце прозревшее
Птицей окрепшею рвётся в полёт,
Как это сердце, все страхи презревшее,
В Божьем врачующем страхе живёт.

Не потому ль мне вдали замаячило
Солнце – от скверны очищенных дней?..
Господи, что моё мужество значило б
Без созидающей силы Твоей?!

Как научился б не только утробой
Думать я, в будни впрягая мечту?
Как в этом мире, измученном злобою,
Я разглядел бы Твою красоту?

7 марта 2001 г.

Когда останешься один...

Когда останешься один
Средь неустроенного быта
У горьких собственных седин,
Как у разбитого корыта,

За всё, что в жизни не сбылось,
За то, что ею не обласкан,
Ты не срывай на людях злость,
А вот с души сорви повязку

И тихо Бога позови,
Чтобы усвоить понемногу:
Нет ничего важней любви,
Идущей к Богу и от Бога.

Любви – как вечности припев,
Дарующей надежду сирым,
Любви, смиряющей наш гнев
И примиряющей нас с миром.

11 марта 2001 г.

За рекой

За рекой, где, как с тетивы,
Вдруг слетела звезда, бродит сытый
Мерин... Есть ли что слаще травы,
Мёдом лунного света залитой?

Шумный мир наконец-то уснул,
Только вскрикнула птица спросонок,
Когда ветер щекотно качнул
Медуницу у лунных воронок.

И настоящее на росе,
Остро пахнувшей рощей сосновой,
Мне в своей первозданной красе
Открывается каждое слово.

Слово в кровь мою входит и плоть,
Чтоб взойти на уста обновлённым,
Как взошёл на Голгофу Господь,
Одарив меня Божьим законом.

11 марта 2001 г.

Свет в мамином окне

Колеблется кроткое пламя свечи
В окне, заплутавшем в осенней ночи.
Не видно ни звёздочки. Тучи с небес
Нависли. Испуганно горбится лес.

И хриплому волчьему вою, увы,
Подобен редеющий шелест листвы,
И гром в сиротливом просторе полей
Скрипит, как костями бессмертный Кашей.

Но свет негасимый в далёком окне –
Знак, Господом Богом ниспосланный мне,
Знак неба в грядущей рассветной заре,
Знак вдовьих очей, возведённых горе.

Но свет, что встречает радушно меня, –
Знак, щедро горящего в сердце, огня,
Он – первый из топи неверия шаг,
Он – Божьего страха и мужества знак.

Давно нет ни дома того, ни окна,
Исчезли и дом, и окно, и... страна,
Но свет той когда-то сгоревшей свечи
Ещё и сегодня мне светит в ночи.

13 марта 2001 г.

Звезда

Сколько звёзд зажигалось и гасло над миром,
Где один сыром в масле катался, другой
От зари до зари всё вздыхал: «Не до жиру,
Быть бы живу», придавленный смертной тоской.

Но однажды,дохнув позабытым Эдемом,
В душах самых дремучих оставив свой след,
Загорелась звезда в небе над Вифлеемом,
Словно в каждом окошке затеплился свет.

Та же бедность вокруг, в те же дыры и щели
Ветер дул, выдувая из хижин тепло,
Но над краем согретой звездой колыбели
Зимней ночью, как в полдень, вдруг стало светло.

Ждут ещё впереди нас Хатынь и Освенцим
И, в угоду лукавому, взорванный храм,
Но звезду, что сияет улыбкой Младенца,
Не задуть никаким запредельным ветрам.

С ней не сладят ни муж, захлебнувшийся спесью,
Ни глупец бесшабашный, ни лстыивый хитрец,
Потому что горит она не в поднебесье,
А в зените отмеченных Богом сердец.

14 марта 2001 г.

Мне воздастся по вере

В небе, всеми ветрами продутым,
С чьим простором не справится глаз,
Величинам, заведомо дутым,
Неуютно становится враз.

Млечный Путь им покажется Стиксом,
Уносящим их в царство теней...
Знаю сердцем, страх Божий постигшим, –
Нет опоры, чем небо, верней.

Наконец-то прозревшей душою
Знаю: может, сегодня, сейчас
Мне откроется небо седьмое,
Мне семижды прощённому раз.

Нет, не праведнику записному,
Что чернел от трудов, как соха, –
Мне, поднявшемуся к живому
Богу из преисподней греха,

Распахнутся широкие двери
В мир, где нет несчастливых людей,
Потому что я всё же поверил –
Мне воздастся по вере моей.

16 марта 2001 г.

Свобода и истина

Не злато-серебро, пускай в немыслимом
Количестве, не грозный пост, не тога –
Нас делает свободными лишь истина,
Которую мы приняли от Бога.

И пусть мне о другом мужи учёные
Толкуют сколько их душе угодно,
Но лишь душа, коленопреклонённая
Пред Господом, воистину свободна.

Она свободна и в колодце каменном,
И под прищуром часовых в безлюдной
Тайге. Лишь ей, смиренной, но не каинам,
Свобода открывает лик свой чудный.

И пусть, дорогу в ад кромешный выстелив
Желаньями благими, никнет разум,
Но сердцем постигая Бога, к истине
Становимся мы ближе с каждым разом.

21 марта 2001 г.

Ночь в степи

Степь, куда ни глянешь – без конца и
Края, словно полая вода.
Тихо так, что слышу, как мерцает
Надо мною каждая звезда.

Слышу голос каждого растенья,
Потому что на исходе дня
Снова слухом, острым, как прозрение,
Одарила эта степь меня,

Чтобы здесь, под этой звёздной крышей,
Я, забыв про пищу и про сон,
Благодарный Господу, услышал
Всех, кто права голоса лишён.

А ещё, как, аду карты спутав,
Бог, даря душе моей полёт,
За две тыщи лет и вёрст отсюда
По воде, как посуху, идёт.

22 марта 2001 г.

Звезда над Вифлеемом

Звезда горит, в ночную глушь взойдя,
Свой свет сосредоточив на пещере,
Где пастухи, мохнатые, как звери,
Восторженно глазают на Дитя.

И тёплое дыхание волов
Хранит Младенца, спящего на сене,
Покуда копошащиеся тени
Колдуют над подарками волхвов.

Горит звезда, как вещая заря,
Над городишком пыльным и усталым,
Не знающим ещё, что нынче стал он
Прибежищем вселенского Царя.

Не ведают ещё ни раб, ни князь,
Ни седовласый книжник, ни невежда:
Вот Человек, чьи белые одежды
Не замазает никакая грязь.

Но в мир сойдёт отсюда чистота
И кротость, нам дарующие силы,
И светом Человеческого Сына
Над Вифлеемом светится звезда.

23 марта 2001 г.

Звезда в моём окне

В моём распахнутом окне
Она горит ежевечерне.
В её игольчатом огне
Не выжить пошлости и скверне.

Она моим стихам даёт
Надежду в мире жить спасённым,
Поскольку свет её живёт
Меж строчек смыслом потаённым.

Она не раз, когда меня
Уже, казалось, жизнь списала,
Из сатанинского огня
Огнём мерцающим спасала.

И снова задавала тон
Грядущим дням, не очень сытым,
Чтоб разглядеть сумел я то,
Что от других ещё сокрыто.

И счастлив я, что никогда
Я не смогу душой на взлёте
Понять: во мне ль горит звезда
Или в чужой душе напротив.

24 марта 2001 г.

Последний в ряду

Я, битый, увы, не однажды судьбою,
Смотрел, от мирских отрешившись забав,
Как вечность бездонную в небо седьмое
Трава щекотала, на цыпочки встав.

Лежал я в объятьях зелёного шёлка,
И, зноем густым опьянённый слегка,
Смотрел, как царит неустанная пчёлка
Не то возле солнца, не то у виска.

И понял я вдруг: никакая ухмылка
Уже никогда не собьёт меня с ног,
Коль каждым сосудиком, каждою жилкой
Я жадно врастаю в небесный чертог.

И сверху, на тающем облачке лёжа,
Остатки последних сомнений гоня,
Увидел я тысячи тысяч прохожих,
Что были к Всевышнему ближе меня.

А утром я шёл, как обычно, трудиться...
Всё так же горланили птицы в саду,
И были вокруг те же окна и лица,
Но был я последним в Господнем ряду.

29 марта 2001 г.

Он простил

За стенкою чествуют скромно соседа,
За окнами – стольного града огни...
Но, может случиться, однажды по следу
Рванутся собаками давние дни.

И злая тоска в грудь войдёт, словно финка,
И стужей дохнёт с обмороженных скул,
И снова покажется небо с овчинку
Не тех ли семи с зэка спущенных шкур?

Попробуйте жить при свирепой овчарке,
Под яростный, в уши ломающийся мат,
И от Салехарда тянуть до Игарки
Дорогу, в кромешный ведущую ад.

Попробуйте выжить на нарах, терзавших
Сны тех, кто со смертью встречался не раз.
Попробуйте выжить в снегах, промерзавших
Насквозь от холодных начальственных глаз.

Он выжил, и более – духом окреп он
В краю, где морозы покрепче оков.
Под небом, затянутым траурным крепом
Безлунных ночей, он простил всех врагов.

Он адовых мук нахлебался сверх меры,
Но кроткой улыбкой стёр смерти оскал,
Поскольку обрёл он, как родину, веру
И в Господе душу свою отыскал.

30 марта 2001 г.

Выше неба

Я глаза поднимаю к небесному своду,
Словно за волосы поднимаю себя
В голубые поля, где в любую погоду
Белокрылые ангелы в вечность трубят.

До чего ж высоко! Можно вмиг заблудиться
В беспредельном пространстве, уже не в земном,
Может быть, потому, что сюда даже птица
Долететь не смогла бы... И в сердце моём

Слышу я, как сердца чьи-то честные рвутся,
Но вот с небом не стали они заодно,
Потому что, увы, и о небо споткнуться
Можно, если бывает с овчинку оно,

Если ты предпочёл Слову Божьему святцы
И живёшь только праздником очередным,
Если ты не сумел выше неба подняться,
Чтобы пасть на колени пред Богом живым.

5 апреля 2001 г.

На заре

Какое счастье вместе с птицами
Проснуться летом на заре,
Уже пропахшей паляницами,
И обратить глаза горе,

И сердцем, от восторга тающим,
Почувствовать: ты весь при Нём,
Нет, не на небе обитающем,
А в сердце трепетном твоём.

Что может быть прекрасней этого:
Жить, яму ближнему не рыть,
Жить, на пинки судьбы не сетуя,
Но Господа благодарить

За небо – выше всяких форумов,
За землю, где ты рос и пел,
За всё. И за врага, которого
Ты искренне простить сумел!

15 мая 2001 г.

Божье Слово

Ночь за лесок ушла, как за плетень,
И месяц – словно бледная камея.
Благодарю, Господь, за новый день –
Свидетельство Твоей любви о мне, и

Благодарю за пищу, но на дню
Сто раз благодарю Тебя за Слово,
Которое рубили на корню,
Но Божье Слово поднималось снова.

Сквозь грохот барабанов и речей
Пустых, как жмых, и скормленных народу,
И набирало силу, как ручей,
Весенние в себя вобравший воды.

За утро и вечернюю зарю
Благодарю Тебя, великий Боже,
Но более всего благодарю
За Слово, что грядущего дороже.

За Слово, что летит быстрее молвы,
За Слово, что волшебнее жар-птицы,
За Слово, без которого, увы,
Грядущее никак не состоится.

27 мая 2001 г.

Моя родина

В сладкой и густой, как мёд, траве,
Убежав от летней ночи куцей,
Горизонты голубых кровей
С сельскими бурёнками пасутся.

До чего ж июньский день хорош!
Солнышко в зенит вкатилось лихо,
И пчела, как золотая брошь –
На груди у луговой гречихи.

Нет, не у чужих молочных рек –
Здесь он, берег мой обетованный,
Здесь, где нынче ночью под орех
Гром разделал небо над саманной

Нашей хатой, сделанной ещё
Дедом под нехитрый счёт кукушки,
Здесь, где возле бабьих вдовьих щёк
Мёрзли непорочные подушки.

Здесь мой дом. И здесь моя звезда
Скатится за горизонт туманный.
Здесь... И куст терновый у пруда
Вслед дохнёт землёй обетованной.

1 июня 2001 г.

Воспоминание о марш-броске

От зноя колыхнется воздух, как дым...
И я всё шепчу в полудрёме:
«Что может быть в мире вкуснее воды
Студёной – аж челюсти ломит?

Воды, облегчающей наше житьё,
С которой все беды мы сдюжим.
Что может быть в мире прекрасней её,
Неважно где – в море иль в луже?

Воды, возлежащей в снегах Колымы
И в кружке с дымящимся чаем,
Воды той, которой, случается, мы
Нелёгкий свой хлеб запиваем».

И губы от жажды, как порох, сухи,
И небо седьмое двоится,
И пот ручейками почище сохи
Вспахал наши грязные лица.

Морскою волною песок шелестит
Под брошенным в ад небосводом...
А может быть, это к пехоте спешит
Господь по пескам, как по водам?

26 июня 2001 г.

От солнца сладко щурясь...

Вышел я, от солнца сладко щурясь,
В степь, отяжелевшую от рос,
В травы, о которые споткнулись
Тысячи, как бритва, острых кос.

Вышел я навстречу звонкой птахе,
Сжѣвшей в песне всю себя дотла,
Тающей от счастья в каждом взмахе
Небо потеснившего крыла.

Господи, какой простор пьянящий!
Сколько света! Хватит на всю жизнь...
Снова слышу голос, в грудь входящий:
«За былинку каждую держись».

Нет, не за портфель, не за получку –
Этого, прозрев, поймѣшь, не жаль, –
А за набегающую тучку
И за убегаящую даль.

Господи, за что мне свет прозренья?
Может быть, за то, что, сдюжив зло,
Весело швырнул я все сомненья
Птахе под сверкнувшее крыло.

3 июля 2001 г.

Лето

(Год 1945-й)

Омытый коротким целебным дождём,
Рассвет полыхает в окошке моём,
Распахнутом с ночи в полнеба.
И правит пространством до края земли,
Где на небо тучные злаки взошли,
Дыханье созревшего хлеба.

Стеной он вставал, и вселенское зло
Спешит обойти стороною село.
И смотрит вчерашний служивый
На рожь золотую, и радость к вискам
Рванулась, как будто к его сапогам
Всё золото мира сложили.

Не нужен солдату речей фейерверк.
Он смотрит на ниву, а кажется – вверх.
Как часто его убивали,
И сам убивал он, от ярости слеп,
И вот, как ребёнка, он вырастил хлеб,
Бегущий в рассветные дали.

Его убивали, и он убивал.
Катился войны огнедышащий вал
Не правнукам ли в назиданье?
Но выжил солдат, душу стиснув в горсти, –
И рожь над воскресшей землёй шелестит
Молитвой его покаянья.

3 июля 2001 г.

История

Седлает облака сухой июльский ветер,
Сметая с неба вниз соседских голубей,
И молния вдали сверкнула вдруг, и в свете
Её открылась мне, как тайна, ширь полей.

Оттуда, из глубин полыни и шалфея,
Дохнула мне в лицо история сама,
Намёками, едва очерченными ею,
Учёнейших мужей легко сводя с ума.

Там, на краю травы, глубокой, словно омут,
С профессором седым играя в поддавки,
Из-под копыт в галоп пустившегося грома
Не молнии летят – столетий черепки.

Седлает облака сухой июльский ветер,
За чёрный зев веков, раскопанных спеша...
Пусть прошлое – темно, но день грядущий светел,
Пока надежды свет живёт в нём, как душа.

4 июля 2001 г.

Дождь в деревне

Над деревней утром ранним
Прокатился грома гул,
Кто-то лихо в рог бараний
В тучах молнию согнул.

И, в июль горячий призван
Богом, щедро и легко
Тёплый дождь на землю брызнул,
Как в подойник молоко.

Не сдержать ни осокорям,
Ни оврагу, ни холму
Этот дождь июльский – море
По колено, знать, ему.

Травы сладят в чистом поле
С самой острою косой,
Если их, двужильных, холит
И лелеет дождь косой.

И гремит мне гром: «Послушай,
Не теряй напрасно день,
Подставляй лицо и душу
Очистительной воде!»

6 июля 2001 г.

Послушай тишину

Ты послушай сердцем тишину,
И легко услышишь, как Спаситель,
Из травы встающую луну
Обогнув, спешит в твою обитель.

Ты увидишь, лишь глаза закрой,
В миг, сравнимый с вечностью, пожалуй,
Как встаёт над лобною горой
Пролитая кровь зарёю алой.

Не пугайся, что подстрелят влёт,
Ибо жизнь даётся полной мерой,
Если слышишь, как тебя зовёт
Млечный Путь доверия и веры,

Если сердцем ты не тлел – горел,
Со своим чужое путал горе,
Если, очи обратив горе,
Понимаешь ты, что смотришь в корень.

6 июля 2001 г.

Родина

Ночь пришла, и прохладой мир, словно лаской,
Одарила, и рядом, за тыном, как встарь,
Закипает роса на «анютиных глазках» –
Нет прекраснее глаз, хоть всю землю обшарь.

А за речкою каменный идол бесстрастно
Смотрит тысячу лет из полыни густой,
Как летучая мышь, кувыркаясь бесстрашно,
В кошки-мышки играет с летучей звездой.

Не нужны мне заморские пёстрые цацки.
Ну, в каких ещё можно увидеть мирах,
Чтоб вот так, в сладкой дрёме витая, по-царски
Возлежала речушка на лунных морях,

Чтоб душою в бесчисленных ноющих шрамах
Вдруг понять, словно солнце увидеть во мгле,
Что Господь не в высоких сверкающих храмах,
А в тебе, припадающем к этой земле?!

8 июля 2001 г.

Горы

Сверкая первозданными снегами,
Своим величьем всё подмяв окрест,
Со скукой на исхоженный богами
Олимп взирает сверху Эверест.

Ну что ему Памир иль Пиренеи?!
Куда ни глянь: на запад, на восток –
Он выше всех. Но есть гора, вернее,
Невзрачный холм, – вот он и впрямь высок.

Но вовсе не пьянящей кровью вершиной:
Гора – твоя, коль ловок ты и дюж, –
А светом Человеческого Сына,
Вознёсшего тот холм до наших душ.

И как признание Эверест роняет:
«Не встретить на земле высот таких,
Чтоб были выше тех, что измеряют
Крылатой глубиною чувств людских».

8 июля 2001 г.

Поэт районного масштаба

Жил-был поэт районного масштаба.
Однажды от пера, как от сохи,
Он оторвался, в небо глянуть дабы,
И написал, нет – выдохнул стихи.

И не было на них ни капли пота,
Ни даже тени творческих потуг,
А было ощущение полёта,
И, словно круг друзей, был солнца круг.

Какие завершённость и свечение
В отлитой из рассветных рос строке!
В ней, трепетной, играло вдохновенье,
Как солнечные блики на реке.

Стихи вставляли то степной ромашкой,
То падали летучею звездой.
Стихи дышали, жили нараспашку
И были не стихами, а судьбой.

В них всё вместил поэт, всё, кроме скуки
И смертной иссушающей тоски,
А семь потов и творческие муки
В упрямые он спрятал желваки.

13 июля 2001 г.

Увы, родился я ослом

(Монолог осла)

Нет, не орловским рысаком
(Куда такие уши спрячу?),
Увы, родился я ослом
И вот всю жизнь свою ишачу.

Порою не хватает зла,
Когда, мне голову мороча,
Всё списывают на осла,
Как на тайгу, – удобно очень.

Нет, не собака, не козёл
И, разумеется, не Каин,
Наверно, я и впрямь осёл,
Коль мною каждый помыкает.

Но знаю я: пока скакун
Уздечкой тешится, капризней
Кинозвезды, осёл, тоску
Смирняя, тянет лямку жизни.

Ещё я памятью храним,
В веках катящейся, как эхо,
О том, что в Иерусалим
Господь на мне когда-то въехал.

13 июля 2001 г.

Духота

Уже давно погас закатный свет,
Всё ярче звёздный рой, но, к сожалению,
Живительной прохлады так и нет,
От духоты вселенской нет спасенья.

Покорно никнет верба у ворот,
Покорно увядает медуница,
И кажется, что даже небосвод
Покорностью удушливой сочится.

Как будто обленились кровь, и мысль,
И речка, заблудившаяся в ряске...
Тоска. И вдруг, откуда ни возьмись,
Явилась тучка, словно гость варяжский.

Очнулись и былинка, и листок,
И караси, непуганые щукой.
И кровь, взыграв, по жилам со всех ног
Рванулась, полоснув по горлу скуку.

Как всё же мир по-детски щедр и мил,
С какого б мы ни посмотрели боку,
И я, молясь, колени преклонил
В покорности, уже угодный Богу.

16 июля 2001 г.

Вечернее

Кротким светом наполнив меня,
За спиною оставив степную
Ширь, застыла луна у плетня,
Окончание дня знаменуя.

С лёгким сердцем закончил я день,
Ибо в сердце слова приходили
Те, которые тень на плетень,
Как мне кажется, не наводили, –

Но, не метя в начальственный чин,
Неподкупно – призывно играют,
Нет, не бликами солнца – свечи,
Что мерцает у самого края

Чьих-то сил и надежду даёт
Всем, помятым судьбою когда-то,
На в рассветной заре небосвод
И на трудную пищу заката.

17 июля 2001 г.

Послания апостола Павла

В тюрьму попав и раз, и два,
В ночах, безмолвием согбенных,
Откуда черпал он слова
Своих посланий вдохновенных?

Евреям, римлянам ли шлёт
Свои послания апостол,
Он – разума и сердца взлёт,
Он есть потомков наших поступь.

Откуда, из каких глубин
Души, украсившейся небом,
Он, всеми брошенный, один,
Вознёс слова, важнее хлеба?

О чём бы ни были они,
И тыщу лет назад и ныне:
Они – грядущего огни.
И пусть кричат мужи иные:

«Он в прошлом весь. Он устарел,
Забыв про жизни быстротечность...»
Но обратите взгляд горе –
Неужто устарела вечность?

18 июля 2001 г.

Монолог глины

Я, глина мягкая, горжусь
Тем, и сей факт достоин лиры,
Что в пальцах Бога становлюсь
Краеугольным камнем мира.

Я – глина. Я – ничто. Я – прах,
Но только до того мгновенья,
Когда лукавому на страх
Господь вдохнёт в меня горенье,

Чтоб больше не было вовек
Так одиноко солнцу в небе,
Чтоб хлеб взрастивший человек
Не только о насыщенном хлебе

Твердил... Но чтобы жизнь его
Не стала жалкой и убогой,
Он должен знать: важней всего –
Душа как продолжение Бога.

Твой жребий, человек, высок,
Но помни: нет страшней судьбины
Узнать, что ты не стоишь глины,
К которой прикасался Бог.

20 июля 2001 г.

В шахтёрском городке

Спешу, как бывало, к любимому месту,
Бок о бок с луной посидеть над водой,
И снова душа разрывается между
Былинкою каждой и каждой звездой.

Траве, даже пусть по-солдатски двужильной,
Высокой и крепкой, как мачтовый лес,
Омытой живою росой обильной,
Увы, никогда не коснуться небес.

А звёзды, над миром горящие властно
Под шелест косою испытанных трав,
Вовек не узнают, как небо прекрасно,
Когда его видишь, из праха восстав.

Стою у реки. Моей родины воздух,
Звонящий, как целая стая скворцов,
Настоянный щедро на травах и звёздах,
Очищенный лёгкими наших отцов,

Вдыхаю – верней, к небесам приобщаюсь,
Вдыхаю – вернее, вздыхаю, как мать,
Ушедшая рано... И ярываюсь,
Пытаясь земное с небесным связать.

21 июля 2001 г.

Обретённым бессмертьем делясь

Бьют сомнений чугунные гири
В душу. Хвори преследуют плоть.
Как учился б я жить в этом мире,
Если б не справедливый Господь?

Как узнал бы, где хитрости чёрта,
А где кроткая доблесть добра,
Где набухшая кровью аорта,
А где мышц лицевых лишь игра?

Я давно исчерпал свои силы,
Но лукавый совсем не учёл:
Мне, которому дышит в затылок
Пекло, небо подставит плечо.

И душа моя солнце увидит,
К новой жизни из тьмы возродясь,
С каждым смертным на этой планиде
Обретённым бессмертьем делаясь.

21 июля 2001 г.

Гроза

Раскрыть всю подноготную
Дремучих трав грозя,
За речкою залётная
Куражится грозя.

Поскрипывает жалостно
Сосна, уже в летах,
И гром буксует яростно
В нависших облаках.

А я стою над речкою,
Над тёмною водой,
Где молнии насечкою
Сверкают золотой.

И во вселенной хмурости –
Мелькание теней
Не то далёкой юности,
Не то – грядущих дней.

И так легко мне дышится!
И небеса гремят:
Грехи любые спишутся,
Жизни окромя.

23 июля 2001 г.

Дождя бы

Зной, словно наважденье злое,
Зной донимает, как болезнь,
Деваться некуда от зноя,
От зноя – хоть на стенку лезь.

Сломались в пояснице злаки,
Кровь бьётся, как в силках, в висках,
И задыхаются собаки
На высунутых языках.

В глазах – цветных кругов мельканье
От дикой боли головной.
Не Божье ль это испытанье –
Обрушившийся с неба зной?

Не наказание ль это Божье –
Зной, грянувший, как трубный глас,
За то, что мы сроднились с ложью
И ненависть прокралась в нас?

И я, ступив за тын дощатый,
Шепчу, измученный тоской:
«Дождя бы, Господи, дождя бы,
Но лучше – доброты людской».

23 июля 2001 г.

Богу и маме

День начинаю с благодарности
Ему за то, что за плетень
Шагнув, вдруг понял: я за давностью
Лет не забыл тот майский день.

Вот мама в довоенном платице
Стоит среди воскресших трав,
И, словно годы, слёзы катятся,
В морщинах вдовьих заплутав.

Тоска такая – жить не хочется,
И льётся небо из очей,
И тянет бабьим одиночеством
С пропахших порохов ночей.

Но от свинцовой их постылости,
Сушившей чувства, мысль и плоть,
В Своей неизъяснимой милости
Всегда хранил её Господь.

Он не внушал ей речи гневные,
Но – музыку небесных сфер,
Но силы ей дарил душевные,
Чтоб в жизни я имел пример,

Чтобы в годину злую самую
Я твёрдо знал в момент любой:
Меня хранит Всевышний с мамою,
И я храню их за душой.

27 июля 2001 г.

Ученики

Не первосвященники, не книжники –
Логике привычной вопреки –
Мытарь и рыбак – Его сподвижники,
Первые Его ученики.

Не мужам учёным, не философам –
Удивляться предстоит векам:
Это ж надо! Грубым, неотёсанным
Слово Божье вверить мужикам.

И пошли они дорогой долгою,
На которой выбоин не счесть,
Чтоб за Иорданом и за Волгою
Услыхал народ Благою весть.

Шли в деревни и в столицы шумные,
Не жалея ни лаптей, ни сил,
Самые из всех живущих умные,
Ибо Бог сердца их вразумил.

29 июля 2001 г.

Новый Одиссей

Это не время двинулось вспять,
Это, как дева, робея,
Между Харибдой и Сциллой опять
Двигается барк Одиссея.

Но никому не сносить головы
В мире Харибды и Сциллы,
Даже хозяин Олимпа, увы,
Справиться с ними не в силах.

И на колени, как делала мать,
Вымотанная работой,
Пал Одиссей, богатырь, – поискать;
Сердцем же – чуток и кроток.

Господи, вот он стоит на корме,
Сладивший с грозной судьбою,
Тысячи лет проблуждал он во тьме,
Но не отринут Тобою,

Ибо не сталью, не морем огня –
Словом Божественной силы
Он укротил, глядя, словно ягнят
Страшных Харибду и Сциллу.

6 августа 2001 г.

Господь Ведущий

(Венок сонетов)

1

Стал понимать я лишь сейчас,
Пройдя сквозь козни и злословье:
Душе не выжить, не лучась
Надеждой, верой и любовью.

Ей не подняться в полный рост,
Коль ей, душе, не умалиться
До праха в даль зовущих вёрст,
До пепла, бывшего жар-птицей.

Не знаю, сколько мне пройти
Ещё осталось, но в груди,
Тоскуя о степном раздолье,
Дитём, отбившимся от рук,
Меня, споткнувшись, сердце вдруг
Насквозь пронзает жгучей болью.

2

Хлебнув и радости, и горя,
Я стал, мне кажется, мудрей.
Не побоюсь я выйти в море
Людских бушующих страстей.

Не потому, что смел и ловок –
Не лев я в собственных глазах, –
А потому что Божье Слово
Мне подарило Божий страх.

А это дорогого стоит...
Что так поджилки успокоит,
Как страх, что в нас Господь взрастил?
Что так у самой кромки ада,
Когда порою нет с ним сладу,
Добавит зрячести и сил?

3

Как терпеливо, много раз,
Рукою нежной и железной
Меня, а может быть, и вас
Господь оттаскивал от бездны.

И, ада избежав едва,
Я в мир безумными глазами
Смотрел, и долго голова
Кружилась девятью кругами.

Я спасся, выбрался на свет,
Хотя стал в одночасье сед,
Но это – мелочь по сравненью
С тем, что смогла моя душа
В кровоподтёках, чуть дыша,
От Бога получить спасенье.

4

Господь спасал меня от хворей,
Он мне судьбу определил:
Чтоб я огонь рассветных зорей
Из собственных набухших жил

Извлёк на радость всем недужным,
Лишённым крова и тепла,
Чтоб стал прибежищем радушным
Мой каждый стих о двух крылах.

Чтоб о себе под звёздной чашей
Я забывал как можно чаще,
А вспоминал сирот и вдов
И всех забытых и увечных,
Подмятых жизнью быстротечной,
Несущих крест чужих пиров.

5

От лживых истин, от друзей
С улыбкой приторно-фальшивой,
В постылой круговерти дней
Господь хранил меня счастливо.

Хотя порою взгляд косой
В окне, украшенном геранью,
Мог полоснуть меня косой
Под самый корень зорьки ранней.

Но всё устраивал мой Бог,
И не смогла в бараний рог
Меня согнуть судьба лихая,
И отступили силы зла...
Знать, всех небесных сил была
Со мной порука круговая.

6

Рядившихся в чужую тогу
Хватало на пути моём,
Но мне мундиры, слава Богу,
Не заслоняли окоём.

И от пьянящих мыслей светел,
Вникая в майский птичий гам,
Я не давал стреножить ветер
Знамёнам, флагам и флажкам.

Но за рекой, у края поля,
Я отпускал стихи на волю,
И возле сломанной ольхи
На трав зелёную позёмку
Смотрел и радовался громко:
Летите к Господу, стихи!

7

И спотыкался сладкий змей
О жар взволнованного сердца,
Шипел и становился злей
Кайенского крутого перца.

А я среди небесных сфер
Парил и музыку их слушал,
И мир, что был недавно сер,
Вдруг радугой скреплял мне душу.

Куда девалась маета,
Слова летели на уста,
Запёкшиеся от волненья,
И понял я по тем словам:
Не сдюжить адовым кострам
Души высокое горенье.

8

О камень моего порога
Котёнком тёрся первый луч,
И уползала ночь в берлогу
Темнеющих за хатой туч.

И ширилось, и всех касалось
За рощей света торжество,
Там Бог творил, и мне казалось,
Я в подмастерьях у Него.

Казалось, мне сейчас под силу
Из братской серенькой могилы
Поднять обманутых солдат,
Чтоб, как они в том, сорок первом,
Я, оставаясь Богу верным,
Ни шагу не ступил назад.

9

Прозренье наконец пришло,
Как долгожданная благая
Весть в этот трудный мир, где зло,
Всем силам ада потакая,

Так долго надо мной глумясь,
Меня держало на прицеле,
Но сдался тьмы вселенской князь,
Мой дух державший в чёрном теле.

Я жил годами, как во сне,
Но вот желанное ко мне
Пришло прозрение с высей горних,
Я понял, оседлав коня:
Не просто дьяволу меня
Срубить, коль в небе мои корни.

10

И как ни измывалось зло
Над каждою моею строкою,
Я верил: вера есть весло
Испытанное, рулевое.

Я знал, Господь меня ведёт
Сквозь все мытарства и соблазны,
Не даст меня, как птаху, влёт
Он сбить над топью непролазной.

Но светом озарит мой кров...
И полоснёт по венам кровь,
И крылья брызнут из лопаток,
И я пойму: ещё не спет
Мой стих последний... И рассвет
Забрезжит вдруг в окне заката.

11

Над неокрепшею душою
Десница Господа взойдёт,
И всё, что до того со мною
Случилось на земле, – не в счёт.

Всё: и вода, и ломоть хлеба,
Пусть с маслом и с икрою, – лишь
Прелюдия к седьмому небу,
Которое в себе узришь,

С которым никакому аду
И никаким мирским наградам
Уже не справиться с тобой...
И улыбнёшься вдруг устало,
Почувствовав, что небо стало
Твоей высокою судьбой.

12

В безмерной милости Своей
Господь меня с душой моею
Стальных грохочущих цепей
Соединил куда вернее.

Она – капли вешний звон,
Я без неё теперь – ни шагу,
Она – мой вечный горизонт,
Дарованное Богом благо.

Она – мой внутренний маяк,
Она – помощница моя,
Легка с ней трудная дорога,
Она – грядущей жизни зов,
И не страшны с ней семь потов,
Коль их пролить во славу Бога.

13

Господь, пусть на излёте дней
Моих, меня коснулся дланью,
Как будто росами полей
Умылся я рассветной ранью.

И сердце ломится в виски,
И кровь горячая по жилам
Летит вовсю вперегонки
С встающим над землёй светилом.

И ветер мне шепнул с раки:
«Кто о закате говорит?»
И впрямь, ещё совсем не вечер...
Смотри, как светлая река
Уносит в песню облака,
И каждый миг их чист и вечен.

14

Мне счастье подарил большое
Господь, сказав: «Живи, учась
На плечи горе брать чужое,
Удачей собственной делясь.

Живи по духу – не по плоти,
Чтоб голос Бога жил в крови.
Ты жив, пока душа в полёте
Навстречу вере и любви.

Бесстрашно, то есть в страхе Божьем
Живи, не связывайся с ложью,
Не поддавайся злой тоске,
Не становись мечом разящим,
Но спрашивай себя почаще:
„Коль я не с Господом, то – с кем?“»

15

Стал понимать я лишь сейчас,
Хлебнув и радости, и горя,
Как терпеливо много раз
Господь спасал меня от хворей,
От лживых истин, от друзей,
Рядившихся в чужую тогу...
И спотыкался сладкий змей
О камень моего порога.

Прозренье наконец пришло.
И как ни измывалось зло
Над неокрепшею душою,
В безмерной милости Своей
Господь, пусть на излёте дней,
Мне счастье подарил большое.

19–20 сентября 2001 г.

Встреча у мусорного бака

Он был не раз огнём палим,
Он выжил во вселенской драке,
Но что сегодня было б с ним,
Когда б не мусорные баки?

Он смотрит на меня в упор
В затасканной косоворотке,
Вдруг передёрнув, как затвор,
Кадык в голодной хриплой глотке.

Он никому ни друг, ни враг...
И от тоски едва не воя,
Он в мусорный ныряет бак,
Как в чёрный омут, головою.

Забыла их отчизна-мать,
А их, больных, нерасторопных,
По пальцам можно сосчитать –
Оставшихся солдат окопных.

А им в тепле бы посидеть,
А им разок наесться б вволю...
Давайте ж им хоть умереть
По-человечески позволим.

Но – нет... И слышу вздох, как стон,
Себя пытается бедолага,
Как мог дойти до ручки он,
Солдат, дошедший до Рейхстага?

23 октября 2001 г.

За руки взявшись

(Жене)

Вновь приютила нас лодочка наша...
И, как бутылка с шампанским, о борт
Вновь разбивается звёздная чаша
Неба, рождая щемящий аккорд.

В ночь, словно в книгу открытую глядя,
За руки взявшись, мы тихо сидим...
Щедро вплело в твои тёмные пряди
Время падучие звёзды седин.

Наши друзья где-то там, за границей,
Только вот мир заграничный не прост:
Кто-то за хвост ухватил жар-птицу,
Кто-то – свирепую кобру за хвост.

Мы же Всевышнего просим, лелея
Мысль, что изменится к лучшему явь:
Только спаси нас от хитрого змея,
Только свободу жар-птице оставь.

1 ноября 2001 г.

Побелка

(Год 1945-й)

Дом – крутая сталинка –
Крепок и высок,
Мама в кофте старенькой
Белит потолок.

Щедрая, искусная
Мамина рука –
Исчезают скучные
Тени с потолка.

Даже стала вроде бы
Неба глубь светлей,
Вьётся, как юродивый,
Жаворонок в ней.

Все обиды мелкие –
Побоку! И пусть
Свежую побелкою
Пахнет бабья грусть:

По заре, завьюженной
Ранней сединой,
По себе, чей суженый
Был подмят войной.

Но судьбой обещано:
Будут высоки
Небеса, коль женщины
Белят потолки.

20 ноября 2001 г.

Голоса Бабьего Яра

И вновь, омрачив над землёй небеса,
Взорвав мой душевный уют,
Из Бабьего Яра встают голоса,
Как волосы дыбом встают.

«Я сброшен живьём ещё в этот овраг,
Я, воин Отчизны моей,
За то, что стрелял я врагов, как собак». –
«А я – лишь за то, что еврей».

«Сражался я вовсе не ради наград, –
Я, спасший жену и детей,
Расстрелян за то, что я храбрый солдат». –
«А я – лишь за то, что еврей».

«Я здесь столько лет до костей истлевал,
До сладких, елейных речей,
За то, что пощады врагу не давал». –
«А я – лишь за то, что еврей».

Но слышится голос (не с неба ли?) мне:
«Запомни всей кровью своей,
Ты жив, потому что погиб на войне
Отец твой – солдат и еврей».

29 ноября 2001 г.

Ли́ра поэ́та

Знойный полдень. Даже злющие собаки
Присмирели, тяжело мне вслед дыша,
А за речкою под тёплой кожей злаки
Перекатывают солнце не спеша.

Тает облачко в зените, словно сахар,
Чтобы горечь этой жизни подсластить,
Но прозревшая душа моя, как пахарь,
Отдыхает в Божьей ласковой горсти.

Я иду себе, соблазны все минуя,
Вдоль сливающихся неба и хлебов,
Потому что всё же вышел на прямую
После долгих неуверенных кругов.

Жизнь, конечно же, коварна и сурова,
Только как бы мир под дых тебя ни бил,
Человеку для того даётся слово,
Чтоб он словом Божий мир не оскорбил.

Мне смешны теперь недавние кумиры,
Потому что наконец понять я смог:
Для того была дана поэту лира,
Чтоб услышать, как её коснётся Бог.

29 ноября 2001 г.

Май

(Фантазия)

Вдыхая жадно дух сиреневый,
Спутнув с забора вороньё,
Седлаю я машину времени –
Воображение моё.

И вот над заводами сонными
Вдоль лунных двигаюсь морей,
Навеки выжженных калёными
Слезами матери моей.

Иду я, розовые школьные
Мечты на ратных смяв полях,
Иду, и медью колокольною
Гудит в ногах Чумацкий Шлях.

Не раз пыталась жизнь суровая
Меня согнуть в бараний рог,
Семью потоми до седьмого я
Колена весь насквозь промок.

И вот сирень бушует белая,
А я, солдат, свой ранец сняв,
Из жезла маршальского делаю
Жалейку: пусть всплакнёт весна.

1 декабря 2001 г.

Друзьям детства

Время движется неумолимо,
Не спастись от него, пацаны,
Ни за стенами вечного Рима,
Ни у скорбной еврейской Стены.

Надвигается время, и надо
Замереть и – ни шагу назад,
Чтоб узнать, чем грозит оно: адом
Или жизнью, похожей на ад.

Разметала судьба нас по свету,
Дорогие мои кореша,
Наша молодость канула в Лету,
Но не хочет за нею душа.

А судьба влёт нас бьёт понемногу...
Как же лютное время унять?
Только вечностью той, что от Бога,
Человек может время подмять.

Потому жду вас к чаю и хлебу,
Как тогда, в дни далёкой весны,
На углу нашей дружбы и неба,
Дорогие мои пацаны.

4 декабря 2001 г.

Прощание с детством

(Воспоминание)

Здесь утром горланят взхлёб воробы,
А ночью, в овраге за хатой,
Лишь трав бормотанье, от их ворожбы
Скользит холодок меж лопаток.

И ёкает сердце, и хочется так
Шагнуть в этот мир уходящий,
Туда, где сверчок рыжей звёздочке в такт
Звенит неподкупно – щемяще.

Как хочется выйти на берег ручья
И свистнуть в два пальца отпето,
Почище разбойника-соловья,
В пот бросив калёное лето.

Но детство умчалось, легко оседлав
Могучего серого волка.
Лишь грустное эхо гуляет вдоль трав
И тает томительно долго.

А утром, пробившись сквозь птичий галдёж,
Мне глас то ли был, то ли не был:
«Окончены сказки и прочая ложь –
Теперь начинается небо».

5 декабря 2001 г.

Пожар

Домик добротный охвачен огнём.
Вдруг я услышал над грушей:
«Душу спасай, а не узел с тряпьем!
Не проворонь свою душу».

Буйствует пламя в разбитом окне,
Зубы багровые скаля.
Кто там в рванувшемся к небу огне
Корчится? Уж не душа ли?

Хватит бездействовать! С места сорвись,
Вдруг это пламя из ада...
Что же ты медлишь? Не чайный сервиз –
Душу спасти тебе надо.

Душу! Чтоб смог ты навек уяснить
Здесь, над сгоревшим порогом:
Можно вселенский пожар погасить
Жаром души той, что с Богом,

И отойти от несбыточных грёз,
Жизнь проживая недаром,
Чтобы отлить из прозрения слёз
Дом, неподвластный пожарам.

7 декабря 2001 г.

Поэт о самом главном

(Б. Чичибабину)

Не важно, сколько проживёт он лет,
Траве ль под стать иль горным пикам равным,
А важно, чтоб успел сказать поэт
О самом главном.

Не важно, есть ли деньги в кошельке,
А важно, есть ли у поэта знание
Того, что мир висит на волоске
Его дыханья.

В ад спустится, взойдёт ли на Сион –
Не важно, бьют поэта или холят,
Важнее во сто крат, дорос ли он
До Божьей воли?

Важнее самозванных воевод
И юности в наряде подвенечном,
Важнее жизни собственной его
Тоска о вечном.

И не утонет завтра мир в крови,
Когда, хрипя, взывая к нам, сегодня
Поэт о самом главном – о любви
Поёт Господней.

12 декабря 2001 г.

Небо, мне распахнутое Богом

(Жене Валентине)

Когда куцый день спешил к закату,
А январь снегами буйно цвёл,
На порог моей невзрачной хаты
Всемогущий женщину привёл.

И как будто в дом вломились дали,
Тесный кров не развалив едва.
Это с жарких губ её слетали,
Словно птицы райские, слова.

Моя жизнь, которая катилась
Мимо звёзд, рассветных зорь, стихов
И иных чудес, преобразилась,
В шуме будней вдруг услышав зов

Неба, – не того, под чьим сияньем
В недрах глаз хрусталики хрустят,
А того, что душу к покаянью
Призывает, как под Божий стяг.

И живёт во мне и за порогом
С той поры во всей красе своей
Небо, мне распахнутое Богом
И женой согретое моей.

16 декабря 2001 г.

Выбирая судьбу

Лежу я, лицо подперев кулаками,
Внизу задремала река,
И звёзды, дрожащие в ней поплавками,
Волнуют меня, рыбака.

Отсюда, с высокого берега, вижу,
Как пала роса на жнивье,
Как полночь, луну с крыши маминой выжив,
Столкнула в криницу её.

Вдыхаю полынный врачующий запах
Двужильной былинной травы,
И кажется мне, что махнувший на запад
Сосед промахнулся, увы.

А я налегаю на тяжкие вёсла,
Я выгребу, ибо гребу...
Ну что ж, можно выбрать Париж или Осло,
Но коль выбирать – так судьбу.

20 декабря 2001 г.

Господний страх

Господний страх – премудрости начало.

Царь Соломон

Когда душа измаялась в сомненьях
И ты уже готов по-волчьи выть,
Господний страх приходит, как прозрение,
Порой такое позднее, увы...

И он приходит долгожданным светом,
Которого лишён ты был вчера,
Но он приходит, чтобы ты поэтом
И впрямь от Бога стал – не от пера.

И не страшат ни клевета, ни плаха,
Ни розовой мечты полнейший крах.
Не так уж велики глаза у страха,
Коль в сердце ты впустил Господний страх.

Настроенной Господним страхом лире
Доверься – что тюрьма ей иль сума?..
Господний страх... В безумном этом мире
Он не даёт душе сойти с ума.

И с радостью великой нету сладу,
И слёзы не вмещаются в глазах,
Поскольку знаю: мудрость как награда
Ко мне приходит за Господний страх.

23 декабря 2001 г.

Я жарю картошку

Борщ – хорош, вкусна картошка,
Но тяну я руку,
Голосуя за картошку,
Жареную с луком

На дымком пропахшем остро,
С прорезями, сале.
Вы такое блюдо просто
Сроду не едали.

В этом деле хоть немножко
Надо быть артистом,
Чтоб была твоя картошка
С хрустом золотистым,

Чтоб завидовали розы
Аромату с кухни.
Я стою, от жара розов,
Я не знаю скуки,

Потому что я причастен
К доброй пище, други.
И текут, как слёзы счастья,
Слюнки у супруги.

Я картошку с чувством жарю,
Это вам не лясы,
Не картошка с пыла, с жару,
А стихи с Парнаса.

23 декабря 2001 г.

В моём окне...

В моём окне – волнующие виды.
Смотри: белеют облака вдали,
Как будто над землёю расцвели
Висячие сады Семирамиды.

Река струится мимо статных клёнов
И старых ив, как в детство, впавших в сон,
И над водой осенней меди звон
Плывёт, как эхо колокольных звонов.

В моём окне не пик горы высокой,
Не пальмы у прибрежной полосы,
А месяц, подстригающий усы
Отточенную бритвенно осокой.

В моём окне – не бешено бегущий
Куда-то свет рекламного огня,
А петушок со старого плетня,
Путёвку в небо солнышку дающий.

В окне открытом – ничего не лишне,
Ему судьбою всё сполна дано,
Но что важней всего: в моё окно
Заглядывает каждый день Всевышний.

25 декабря 2001 г.

Падает снег

К полночи время скользит понемножку,
Только вот сон не приходит ко мне,
Не потому ль, что зима за окошком
В город въезжает на белом коне?

Медленно падает снег на планету,
Нежен, пушист, невесом, как во сне.
Чище и радостней зрелища нету,
Чем растворяющий ночь в себе снег.

Лёгкий мороз, и снежинки не тают,
Щедро на мой неисписанный лист
Падает снег, а как будто светает –
Так первозданно он светел и чист.

Падает снег на берёзы и клёны,
Снег, чей для поля живителен груз,
Снег, на котором любая ворона
Смотрится прямо, как пиковый туз.

Падает снег, ибо миру угоден
Свет, излучаемый ширью снегов.
Падает снег, словно в душу восходит
Тихая музыка белых стихов.

27 декабря 2001 г.

Рассвет

(Год 1945-й)

Рассвет едва наметился вдали,
Ещё он весь в объятиях земли,
Но у подножья зреющего хлеба
Уже живёт он предвкушением неба

И детских раскрывающихся глаз,
Глядящих продолженьем неба в нас,
И птиц, в чьих гнёздах на зелёной круче
Проклюнулись птенцы из звёзд падучих.

Чуть брезжит свет рассветного луча,
Но мама, коромысло сняв с плеча,
Чему-то улыбается устало –
Она, солдатка, раньше солнца встала.

И в вёдрах не вода стоит, увы,
А слёзы – всё, что было у вдовы.
Но не со дна ль их над землёй увечной
Восходит свет, которому быть вечно?

31 декабря 2001 г.

Год чёрной лошади

Падают звёзды, срываясь с орбит,
Время к обочине жмётся –
Это сквозь наш опостылевший быт
Чёрная лошадь несётся.

Бьётся огонь в каждой жилке моей,
И, чтобы кровь не остыла,
Чёрная лошадь залётных кровей
Жарко мне дышит в затылок.

Звоном копыт распугав вороньё,
Мчится, сорвав с себя путы,
Чёрная лошадь... Ты только её
С тёмной лошадкой не путай.

Чтоб не плелась Украина в хвосте,
Чтоб не свалилась под ношей,
Я, отмахнувшись от прочих мастей,
Ставлю на чёрную лошадь.

Ветер слезу высекает из глаз,
Но я уверовал в это:
Чёрная лошадь вынесет нас
К Божьему белому свету.

1 января 2002 г.

Свет звезды

Я не знаю названия этой звезды,
Но в окне моём перед восходом
Солнца свет её – чище и глубже воды,
Что с полдненным слилась небосводом.

Я сияние этой звезды постигал
Через жар вдохновенного слова,
Через первого щедрого чувства накал
И тепло материнского крова.

Сколько раз меня эта звезда от беды,
Словно мудрая мать, уводила,
Потому что – взглядишь! – Вифлеемской звезды
В ней живёт светоносная сила.

Ничего ярче этой звезды, знаю, нет
Ни в земном, ни в пространстве небесном,
Ибо вижу Второго пришествия свет
В ней, живущей в окне моём тесном.

3 января 2002 г.

Однажды летним вечером...

Однажды летним вечером сухим,
До срока сединою убелённый,
С утра душевной смутю томим,
Раскрыл я Книгу книг, и потрясённый

Неведомой доселе глубиной
Слов, мне казалось, с детских лет известных,
Заплакал я, наверное, как Ной,
Узревший землю в зелени чудесной.

В слова простые, как вода, как хлеб,
Я вчитывался, сбросив, как вериги,
Мирские страхи, осознав, как слеп
Я был, покуда не пошёл я к Книге.

Я понял, к небесам душой взлетев,
Пером мне станет посох Моисея,
Что, в грудь себя пером ударив тем,
Я чью-то жажду утолить сумею.

Я сорок лет через пустыню шёл,
И надо мной шумели, как знамёна,
Вплетаясь в зной, струящийся, как шёлк,
Псалмы Давида, притчи Соломона.

Я сорок тяжких лет провёл в пути,
Что был порою горше горькой тоски,
Чтоб на Голгофу с Господом взойти
В конце дороги и в начале неба.

4 января 2002 г.

Майской ночью

В тучных пойменных лугах
Свет закатный тает,
И у неба на глазах
Звёзды закипают.

У слияния реки
С лунными морями
Осокори высоки,
Словно воздух в храме.

Грудь расправь. Взахлёб дыши
Синевой пьянящей...
Этот вечер – для души
Праздник настоящий.

Майской ночи коротка
Жизнь, но, между прочим,
До чего ж легка рука
У весенней ночи.

Нет, не бес вошёл в ребро, –
Хоть в годах я – это
Зазвенело серебро
На висках к рассвету.

И, сомненья все круша,
С отчего порога
Устремилась вверх душа,
Обретая Бога.

14 марта 2002 г.

Майский день

С кровью смешавшись, несётся по жилам
Солнце весёлого майского дня,
И подуставшему сердцу по силам
Снова ударить в литавры огня.

Кудри припудрило пылью морозной,
Только я счастлив так щедро впервой,
Чуя, как в жилах горячей венозной
Кровью бушует пожар мировой.

И вдоль раскрытых калиток зелёных
Мчусь босиком я – прочь, лень и тоска! –
Так, что от пяток моих раскалённых
В лужах весенних кипят облака.

Жизнь наполняется радужным смыслом,
Кажется мне, что сейчас я взлечу
Ввысь, где сверкающее коромысло,
Знаю, окажется мне по плечу.

Завтра, наверное, выйдут мне боком
Лужи взахлёб, но вопросом таким
Я задаюсь: коль сегодня я с Богом,
Что помешает и завтра быть с Ним?

15 марта 2002 г.

Свечка осенью

Осенние листья летают, маня
В продутую ветром аллею,
Где месяц с ухмылкой встречает меня,
Но я ни о чём не жалею.

Я в сердце изношенном юности пыл
Сберёг, ибо в счастье и в горе
Не деньги – летучие звёзды копил
И шелест и скрип осокоря.

Я не был наивно-доверчив и слеп,
Мне ясного было яснее:
Хлеб с маслом, конечно же, вкусен, но хлеб
С рассветною зорькой вкуснее.

С того и отбросив сомнений суму,
Взбегаю, смеясь, на крылечко...
И клясть я не стану осеннюю тьму,
А лучше затеплю я свечку.

18 марта 2002 г.

Весне улыбкой потакая

(О маме)

Весне улыбкой потакая,
Добавив света в нашу речку,
Ещё бессмертная такая
Выходит мама на крылечко.

Мой каждый день был жив и светел
Слепою верой крепкой самой:
Всё может кончиться на свете,
Но умереть не может мама.

Крошится камень, сталь ржавеет,
Всё в этой жизни быстротечной
Свой, Богом данный, срок имеет,
И только мамы наши вечны.

Ушла она под шум окрестных
Лесов, покончив с серым бытом,
Как будто гром с высот небесных
Меня лягнул под дых копытом.

И всё-таки скажу я прямо
Судьбе, красавице капризной:
«Не умирают наши мамы,
Любившие нас больше жизни».

18 марта 2002 г.

У костра

Я сижу у костра, над рекою,
Полирующей блики огня,
Долгожданным вечерним покоем
Наполняет природа меня.

И душа приближается к небу
Под забытый уже перезвон
Звёзд и шелест озимого хлеба,
Подпирающего горизонт.

Я не знаю, откуда приходят
Дней моих продолженье – слова,
Но я чувствую: стих мой пригоден
Для души, не погибшей едва,

Для души, пробуждавшей в потёмках,
Может, год, может, целую жизнь,
И живущей, как эхо, в потомках...
Друг мой, слышишь, за небо держись!

Мне судиться с землёю негоже,
Но душа моя, может, жива
Потому что, я думаю, всё же
В сердце с неба приходят слова.

20 марта 2002 г.

Кассандра

Совсем хмельной от жгучего азарта,
Швырнув, смеясь, в неоновый огонь
Реклам все ночи, мир отверг Кассандру,
Чьи сны копытит деревянный конь.

И не наполнит душ людских колодцы
Вода живая вещей слёз её,
Не видят непрозревшие, как вьётся
Над обречённой Троей вороньё.

Ни смертные простые, ни герои
Не видят из-под собственных утроб,
Как день-деньской под ними землю роет
Не конь о четырёх копытах – гроб.

И женщина отчаянно взывает:
«Пока нас не накрыла смерти тень,
Очнись, народ! Не вывезет кривая
Неправедных дорожек в Божий день.

Очнись – иль обречёшь себя на муки
В веках...» Но не услышан вещий глас...
И женщина в слезах ломает руки,
И конь троянский снова топчет нас.

21 марта 2002 г.

Жара

Жгучим зноем стреножив
Тучный шелест травы,
Солнце входит под кожу,
Растворяясь в крови.

В кровеносных сосудах
Жар – аж свечки в глазах...
И холодный рассудок
Бьётся в нём, как в силках.

Мне бы мигом раздеться
И – в ручей, к карасям,
Где течёт моё детство,
Словно мёд по усам.

Мне бы – в Чёрное море,
Чтоб качнулся, как бриг,
Мир, иль – в тень осокоря,
Под которым – родник.

И воды родниковой
Нахлебаться бы всласть...
А не лучше ли к Слову
Божьему мне припасть?

22 марта 2002 г.

Клубились стаи туч

Клубились стаи туч всё гуще,
Казалось, свет затмят совсем,
Но был услышан Всемогущим,
Я, когда был, как рыба, нем.

Улёгшись под Чумацким Шляхом,
Я видел: вовсе не звезда –
Дамоклов меч мирского страха
Вновь падал на мои уста.

Как билось сердце головою
О стенку безголосых уст...
И вдруг – молитва вместо воя
На гребне всех прозревших чувств.

Вдруг море запахов и звуков
Меня куда-то понесло...
И было самой сладкой мукой –
Учиться отвечать на зло

Добром... И, думая о многом,
Шепчу: «Я был у края тьмы,
Не потому ль услышан Богом,
Чтоб быть услышанным людьми?»

23 марта 2002 г.

Старый солдат

Обмелели глаза, а морщины
Стали глубже холодного рва.
И охвачена белой кручиной
Лет нелёгких его голова.

Душу тихой молитвой врачую,
Вышел в шелест рассветных лугов
Он на финишную прямую,
Под глазами залёгших кругов.

В прошлом всё: и друзья, и тревоги...
Никакой за солдатом вины.
Он остался один на дороге,
Начинавшейся в пекле войны.

И рассвет, приближая к солдату
В жизни, может, последнюю даль,
Спотыкается вдруг виновато
Каждым бликом своим о медаль.

А старик ни о чём не тоскует,
Не желает он больше наград,
Он не жалует славу мирскую –
К Божьей славе уходит солдат.

Незаметный, но небу угоден,
Он уходит навстречу весне...
И чем дальше от нас он уходит,
Тем всё выше он кажется мне.

24 марта 2002 г.

Свеча в окне

Шутя сломав двужильным травам выи,
Сквозь рощу продираясь напролом,
Свирепый ветер клёны вековые
Без устали пытается на излом.

Луны не видно. Звёзд как не бывало,
Но день, в трудах прошедший, увенчав,
Смирняя кротким светом ярость шквала,
В окне напротив теплится свеча.

Мрак аспидный чернее чёрной гари,
Мир, кажется, навек погряз в ночи,
Но не однажды солнце зажигали
От трепетного пламени свечи.

И что там стихотворец ни напишет,
И что б там бард залётный ни бренчал,
Всех обелисков, вместе взятых, выше
Слезами вдов оплывшая свеча.

Всё можно погасить: и грешной плоти
Жар, и огонь, объявший поле ржи,
Но только не свечу в окне напротив,
Чей свет согрет сиянием души.

25 марта 2002 г.

В ночном море

Набегает волна белопенная
На ещё не остывший песок,
И не страшно, что целит Вселенная
Мне падучей звездою в висок.

Не пугаюсь я вовсе безмерности
Моря – духа со мной одного,
Потому что от всяческой мерзости
Очищаюсь дыханьем его.

И, впадая в бездонное, синее
Небо, полное жизнью иных,
Море горькой судьбы моей линии
Шевелит на ладонях моих.

И, касаясь луны убаюканной,
Слышу я каждой жилкой своей,
Как волшебная рыбка аукает
В нежных заводях лунных морей.

И такое в душе озарение –
Больше не на кого мне пенять,
Понимаю: Бог дал мне терпение
Этот мир полюбить и понять.

25 марта 2002 г.

Кукушка

Опять июль. Рассвет. Речушка.
И роща в зеркале воды,
А в роще той живёт кукушка –
Она с бессмертием на «ТЫ».

Не занимать ей вдохновенья,
Она кукует, как поёт,
Поскольку всем, без исключенья,
Бессмертье щедро раздаёт.

Чтоб я не знал пред жизнью страха,
Весь день, с рассвета до темна,
Разбрасывает, словно пахарь,
Зерно – бессмертие – она,

Чтоб мне не изменили силы
Души и юношеский пыл,
Чтоб каждый день мой, до могилы,
Замешан на бессмертье был.

26 марта 2002 г.

Плывут облака

Остывающим жаром заката
Опалённые снизу слегка,
Облака проплывают над хатой,
За три моря плывут облака,

Равнодушные к тихим ракитам,
К песне, в горле рождающей ком,
И к реке, за которой копытом
Роет небо вечернее гром.

Не волнуют их ни осоки,
Ни погост на залётном ветру,
Уплывают они за три моря.
Я без зависти вслед им смотрю,

Потому что от рощи, от поймы,
От улыбки, мелькнувшей в окне,
На душе широко и спокойно,
Будто все горизонты при мне.

Уплывают в далёкие страны
Облака... Я стою у стожка.
И всё кажется мне, как ни странно,
Это мне смотрят вслед облака.

26 марта 2002 г.

Два человека

Один всю жизнь свою со злом
Сражался, словно одержимый;
Его сосед, светясь лицом,
Творил добро неумоимо.

Судьба, впадая в беспредел,
Не раз хватала их за глотку...
Один от ярости темнел,
Другой – светлел душою кроткой.

Один, годами убелён,
Боровшийся с вселенской ложью,
Железной волей был силён,
Другой – силён был волей Божьей.

Жизнь каждого в трудах прошла...
И понял я, вздохнув устало:
Не стало в мире меньше зла,
Но всё ж добра чуть больше стало.

29 марта 2002 г.

Колокольный звон

В мир волшебным звоном метя,
Чтобы даже старый кол
Дал побеги, солнцем с медью
Оплывает колокол.

А за рощей белоствольной
Гром гремит: мол, знай о том,
Что из меди колокольной
Льёт весенний первый гром.

Благовзвучней звуков нету,
Всё рассыплет время в прах,
Гимны, оды канут в Лету –
Благовесту жить в веках.

И пречистый, щедрый, вольный,
Будто новый горизонт
Открывая, колокольный
Прямо в душу входит звон;

И волнение глотку душит
Так, что всё во мне поёт.
Как озвученные души,
Колокольный звон плывёт.

30 марта 2002 г.

Лунные моря

(В. З.)

Под вечерней синью небосвода,
Будто детство вновь себе даря,
Входишь ты в мерцающую воду,
Погружаясь в лунные моря.

Ничего нет слаще и дороже,
Когда счастья вздох срывая с уст,
Лунные моря скользят по коже,
Как по гребню твоих жарких чувств.

И, не бредя водами иными,
Радуешься, видно, ты не зря,
Если под ладонями твоими
Оживают лунные моря,

И, рождая, как бывало, эхо
В предвкушение утренней зари,
Белый парус девичьего смеха
Над морями лунными парит.

И шепчу я, пред тобой светлея,
Чувствуя, как крепнут дух и плоть:
«Пусть же никогда не обмелеют
Лунные моря, Господь, её».

2 апреля 2002 г.

Правда

«...А что есть правда? – бросил прокуратор. –
Кто эту правду видел из людей?..»
А правда перед Понтием Пилатом
Во всеоружье кротости своей

Стояла... И не в воздухе горячем
Повис вопрос о правде, а в веках.
И билась правда покаянным плачем
В умытых, но в святой крови, руках.

И так рассветно рядом с нею было,
С той правдою, что, жаль, не всем далась,
С той правдою, что в грудь себя не била,
А просто на Голгофу поднялась,

Чтоб я однажды у Горы той замер,
Сумев свои сомненья побороть,
И выдохнул, омытый весь слезами:
«А что есть правда? – Правда есть Господь!»

И мир никто не ввергнет в катастрофу,
И не закроет правду ночи тень,
Покуда люди будут на Голгофу
За правдой подниматься каждый день.

3 апреля 2002 г.

Над рекой

Жадно смотрю я, как ночь иссякает,
И, оторвавшись от млечной тропы,
Падают звёзды, росу высекая
Из оживившейся к зорьке травы.

Ночь на исходе. И дышит прохладой
Речка, где дремлет живая вода,
Где караси – грозной щуки улада –
Не высыпаются никогда.

Ночь на излёте. И жизнь на излёте.
Но у какой ещё смог бы реки
Так вот лежать я, чтоб небо напротив,
Чтоб – горизонты по обе руки?!

Жизнь удалась. Потому что жар-птицу
Я отпустил – пусть летит за порог...
Не оттого ль меня Бог как зеницу
Ока во всех передрыгах берёт?

Даже когда я о Нём и не думал,
Даже когда я не ведал о Нём,
Не научился смотреть я угрюмо,
Ибо узрел я иной окоём.

Вот распахнулся он светом прозренья
Не за рекой, не за ширью полей,
Всех горизонтов земных продолженье,
Тот, что находим в душе мы своей.

4 апреля 2002 г.

Возвращение

Вновь облака – прибрать к рукам не прочь
Звёзд серебро – с полей примчались дальних,
И вновь слегка раскачивают ночь
Верхушки тополей пирамидальных.

И слышу я, как шепчет мне река
И как звенит мне лунная подкова:
«Да не поднимется твоя рука,
Чтоб замарать страницу лживым словом».

Не замараю! Ибо майский гром,
Как в детстве, вновь звенит светло и чисто,
И вновь прохожий каждый за окном
Загадочнее графа Монте-Кристо.

Мне за три моря, видно, не ходить,
Мне жизнь окончить здесь, над этой речкой,
Но я не знаю, стоит ли тужить,
Когда всю ночь у моего крылечка

Швартуются, как в детстве, корабли...
И вижу я сквозь мамины герани:
С другого края дремлющей земли
Идёт Господь по речке Саксагани.

7 апреля 2002 г.

Осень

Облака залётные.
Тусклый свет небес.
Птицы перелётные
Огибают лес.

Грустная идиллия...
Я брожу в лугах.
Злаков сухожилия
У меня в ногах

Ноют, позабытые
Острою косой.
Ива, громом битая
Над речной косой,

Кротко никнет, юная,
Скрасив мой досуг...
И тоска чугунная
Отступила вдруг.

И душа, покорнее
Став, врачует плоть...
Словно выси горние
Распахнул Господь.

8 апреля 2002 г.

Бессмертная любовь

В мир, от людской бездонной скорби чёрный,
В мир, где, чтоб выжить, – злу не прекословь!
В мир, где давно убийство стало нормой,
Он всем принёс бессмертную любовь.

Её не утратить горою лобной,
Не обмануть, как сердцем ни криви...
Подлунный мир ещё не знал подобной,
Жизнь вечную дарующей, любви.

Но что возьмёшь с толпы слепой, ревущей,
Когда первосвященники – и те –
Бездарно проглядели день грядущий,
Распяв Творца Вселенной на кресте?

Гогочет праздный люд, поближе слясь
Страданья зреть... Что взять с толпы такой,
Коль книжники, увы, не научились
Читать ни в Торе, ни в душе людской?

И снова вдовий стон о землю бьётся,
И снова брат пускает брату кровь...
О, как легко нам ненависть даётся,
Как тяжело даётся нам любовь.

9 апреля 2002 г.

Встреча

И не может он, римлянин, страх свой унять,
Погрузившись в глаза Назорея,
Потому что, увы, он не в силах понять,
Вера в нём иль сомнения зреют.

Вот стоит Он пред ним, друг блудниц и калек,
Полный света, спокойно и прямо.
Кто, о боги, скажите мне сей Человек,
Плетью гнавший торговцев из храма?

Кто Он? Царь иудейский? Пророк? Чародей?
Сколько кротости в Нём, но не страха.
Не с того ль, что Он знает, как можно людей
Научить подниматься из праха

В поднебесье вчера ещё спавшей души,
Всеми напрочь забытой под спудом
Бесконечных веков, прозябавшей в глуши
Пропитавшихся пылью талмудов?!

И застыл прокуратор, став белым, как мел,
Словно в трепетном мареве полдня,
Только что он своими глазами узрел
Храм, который в три дня будет поднят.

11 апреля 2002 г.

Однажды на Севере

От цирков, не слышавших смеха, грустна,
Взошла на скуластую сопку луна,
Безжалостный холод осилив.
Направо – снега и налево – снега,
Увы, их не взять, как быка, за рога,
Когда ты вконец обессилел.

А где-то, отсюда за тысячи вёрст,
Вода закипает мерцанием звёзд
Над щукою сытой и серой,
И вечер за хатой, у старых раkit,
Почище крапивы обжечь норовит
Росою студёной, как Север.

И мысли в тисках побелевших висков:
«Из этих, меня обложивших, снегов
Не выйду, как жилы ни рви, я –
Свирепая стужа, как бритва, остра,
И в сердце всё глубже вгрызается страх».
И к Богу воззвал я впервые.

И был я, уже превращавшийся в прах,
В глухих, до костей леденящих снегах
Услышан, иначе б не выжил...
И я, посрамлённый в гордыне своей,
Той ночью не просто к жилищу людей –
А к Господу Богу я вышел.

12 апреля 2002 г.

Душа

(Другу)

Когда, бывает, силы ада
Ликуют, белый свет круша,
Поверь, она здесь, где-то рядом
С тобою, добрая душа.

Не верь, что злоба мир задушит
И жизни оборвётся нить...
Никто вовек не сможет душу –
Обитель Бога – сокрушить.

В годину горькую, лихую
Придёт, как утро, хороша,
Смирив ненависть людскую,
На помощь кроткая душа.

И чтобы в мире стало чище,
Нет, не Геракл – увидишь ты,
Конюшни Авгия очистит
Душа небесной чистоты.

И в сумасшедшем мире этом
Не даст тебе сойти с ума
Душа, наполненная светом
И светом ставшая сама.

13 апреля 2002 г.

Лунная ночь

Мир окутав, тишина
Настораживает,
А огромная луна
Завораживает.

И с приевшейся земли
В высь желанную
Взмыть не могут журавли
Деревянные,

Потому что в синь небес
Акварельную
Не луна плывёт, а песнь
Колыбельная.

И, как в детстве, посреди
Майской полночи
Сердце рвётся из груди,
Светом полнится.

Я копать не хочу
В ощущениях тлеющих,
Просто я зажгу свечу,
Стало чтоб светлей ещё.

15 апреля 2002 г.

Пчела и самолёт

Я лежу за речкою, в лугах,
И, как в детстве, в облаках витая,
Не пойму я: в небе иль в глазах
Серебристый самолётник тает.

И цветы качаются у скул,
Слушая торжественно, былинно,
Как далёкий самолётный гул
Переходит плавно в гул пчелиный.

Я глаза закрою, но светлы,
Так что серость пятится тупая,
В крыльях самолёта и пчелы
Горизонты, к горлу подступаая.

И восходят на уста слова,
Под ещё не жарким солнцем нежась,
Как росой умытая трава,
Подарив мне трепетную свежесть.

И шепчу я, как в былые дни:
«Если белый свет сойдётся клином,
Господи, пилота сохрани
Под надёжным крылышком пчелиным».

16 апреля 2002 г.

Это с годами я стал понимать *(О сестре Люде)*

Это с годами я стал понимать,
Став положительным, взрослым:
Нет, мне уже никогда не догнать
Девочку, ставшую прошлым.

Помню, на цыпочки в летних лугах
Травы поспешно вставали
И на её загорелых ногах
Клинопись цыпок читали.

Кто-то, случается, сердцем не прост,
Враз выбивается в дамки,
Кто-то, смеясь, из сорвавшихся звёзд
Строит воздушные замки.

Бегали в них мы с сестрой босиком,
Твёрдую веру питая:
Реки, наполненные молоком,
В нашу речушку впадают.

Дни, как курьерский, летят, но, увы,
Вряд ли догнать я сумею
Ласковый шелест бессмертной травы,
Мятой сестрёнкой моею.

18 апреля 2002 г.

Вечность

Допоздна в душистой медунице
Я лежу у старого плетня,
Млечный Путь у самых глаз струится,
Словно вечность смотрит сквозь меня.

Что ей люди, что ей их проблемы,
Ежели она с тех давних пор,
Как Адам был изгнан из Эдема,
Перестала видеть нас в упор?

Что ей наши жёсткие мозоли
И слова нежнейшие любви,
Что ей слёзы радости и боли,
Стройки на песке и на крови?

Годы тяжко падают на плечи,
И ветшает, словно платье, плоть.
Только знаю я: ещё не вечер,
Ибо всё предусмотрел Господь.

Что мне вечность? Стаею несметной
Каркало б над нею вороньё,
Если бы душой своей бессмертной
Не измерил человек её.

22 апреля 2002 г.

Спасибо, Господь

Прими, Всемогущий, мою благодарность
За то, что, лукавого вновь посрамив,
Ты душу мою не обрёк на бездарность,
В ней вечное, чистое небо открыв.

Спасибо, Господь, за бессонные ночи,
За сердце, что с ритма сбивалось не раз,
За мамины вдовьи зыбучие очи,
В которых стоял Твой оплавленный глас.

Спасибо Тебе за волненья и муки,
За солнце, за звёзды, за воду, за хлеб,
За то, что теперь я не смог бы и мухи
Обидеть, а помню, был нравом свиреп.

И пусть мне упрямо внушает эпоха,
Что был я всегда только ею любим, –
Мне помнить всю жизнь, до последнего вздоха:
Я выжил водительством мудрым Твоим.

13 мая 2002 г.

Ночью в степи

Надо мной прощальным светом,
Пропахав густую синь,
Канула звезда, как в Лету,
В серебристую полынь.

И, обсыпанный росой,
Слышу я протяжный зов
Трав, не знавшихся с косою
И подмявших тьму веков.

Скрылся век мой электронный
За ковыльною стеной,
И стрелой оперённой
Входит в спину век иной.

И волосяным арканом –
Похрипеть потом пришлось, –
Сделав петлю в поле бранном,
Время в глотку мне впилося.

В море трав в изнеможенье
Я лежу, отринув прах,
Ощущая, как спасенье,
Имя Бога на устах.

16 мая 2002 г.

Её лицо в распахнутом окне

(О маме. Год 1944-й)

Уже десятки лет прошли, но где бы
Я ни встречал закат, встаёт во мне
На фоне вечеряющего неба
Её лицо в распахнутом окне.

Наполненные нежностью и грустью
Глаза... И голос ласковый: глуши
Медвежьей пострашнее – захолустье
Любовью не отмеченной души.

Жизнь целая, конечно, не игрушка,
Но всё яснее вижу сквозь года,
Как затерялась в маминых веснушках
Июльская падучая звезда,

Как из сырых лугов – куда ей деться –
Под кроткий шелест тоненьких осин
Плывёт луна, мечтая отогреться
У раскалённых маминых седин.

А мы сидим у вечности под боком,
И слышу я, вникая в тишину,
Как мама разговаривает с Богом,
Пока мужчины ходят на войну.

21 мая 2002 г.

У моря

Доверчиво тычется в руки волна,
И, словно голубка, воркует она,
И стал сомневаться я снова,
Что это её саблезубый оскал
Я видел вчера на закате у скал,
Оглохших от дикого рёва.

Неужто она это, камень круша,
Вся лютою злобою в небо дыша,
Хватает бегущие тучи
За пятки, как будто у края судьбы
Вставала неистовая на дыбы
И падала, корчась в падучей.

И с болью шепчу я, седины склонив:
Как часто, бездушной стихии сродни,
В нас зверь просыпается древний,
От ярости жгучей слепой и глухой,
Как часто, коль Господа нет за душой,
Безумие в кротости дремлет.

22 мая 2002 г.

Я не о хлебе – о душе

Стрижи над речкой кувыркаются,
И в тучных пойменных лугах
Гром от восторга заикается,
И у Бурёнушки в рогах

Закат запутался... Ну где ещё –
Напрасно память я пытал –
Прощальный свет, вдали алеющий,
Так нежно сердце опекал,

И так легко и окрыляюще
По жилам разгонялась кровь,
И щедро крыл день, в травах тающий,
Червонным золотом мой кров?!

Не здесь ли чистая, желанная,
Лежит средь клёнов и осин
Моя земля обетованная –
В сияньях маминых седин?

Волнуясь, вглядываюсь в небо я,
Где звёзды вспыхнули уже...
Так хорошо нигде мне не было:
Я не о хлебе – о душе.

23 мая 2002 г.

СНЫ

Уже мне много лет не снятся
Сны, что пьянили, как апрель,
Когда хотелось с места сняться,
Лететь за тридевять земель,

Брать штурмом крепости и кручи,
В морскую погружаться глубь,
Срывать покровы с тайны жгучей,
Как поцелуй срывают с губ.

Теперь, когда моя дорога
К концу идёт, я вижу сон:
Притихший, я стою пред Богом,
Но на меня не смотрит Он.

Куда девался вид мой бравый,
Не гарцевать мне на коне,
Здесь не в цене мирская слава,
Здесь – слава Божия в цене.

А я успехов шумных жаждал,
Я жил, одну мечту храня:
Как трубы медные на каждом
Углу грохочут в честь меня.

И гложет сердце память злая
О том, как мне твердила мать:
«Что можешь ты о славе знать,
Когда Господь тебя не знает?!»

26 мая 2002 г.

Монолог неба

Я небо – бездонная высь голубая
Над речкой, над полем ржаным, над горой.
Случается, небом седьмым я бываю,
Как, впрочем, с овчинку бываю порой.

Я, может быть, самое главное чудо.
Я знаю, меня никакая гроза
Вовеки не сможет обрушить, покуда
Меня подпирают людские глаза.

Не рухну я наземь чугуною гирей,
Высокие люди во мне не убьют,
Пока хоть одна будет здравствовать в мире
Душа, где сумею найти я приют.

Я буду у ада выигрывать битвы
В мерцании ночи, в сиянии дня,
Пока благодарная чья-то молитва,
Как небо пречистое, входит в меня,

Пока отражаюсь в светящихся лицах,
Пока, хоть порой задыхаюсь во мгле,
Я, небо, под куполом Божьей десницы
Живу, горизонты даруя земле.

28 мая 2002 г.

На родине

В горло жаркий впивается ком...
Речка, вскормленная облаками,
Снова пахнет парным молоком
И кисельными берегами.

А вдали, где полынь – до плеча,
Где искал я патронные гильзы,
Гуси-лебеди снова кричат:
«Серый волк под горой затаился!»

Но не страшно ни птицам, ни мне,
Это детство, как пух тополиный,
Проплывает в раскрытом окне
И мои окликают седины.

И молитва сошла на уста,
И, как новую жизнь мне даруя,
Входит в сердце небес высота,
Чтобы вдруг не споткнулся в миру я,

Чтоб, сомнения все задушив,
Понял я: не в заоблачной выси,
А за каждым движеньем души
Ожидать меня может Всевышний.

29 мая 2002 г.

Пять дней

Не в том причина, что судьбу такую
Он выбрал, а судьба порой – тупа:
Народ прозревший, как весна, ликует,
Ревёт, как зверь, – ослепшая толпа.

Ещё пять дней тому назад Он в город
Входил, надежду каждому даря...
И отступали немощи и голод
Перед лицом Вселенского Царя.

Всего пять дней – и мир оглох от воя,
И отшатнулся в страхе небосвод,
Вдруг заглянув, как в зеркало кривое,
В распятый лютой ненавистью рот:

«На крест Его! На дыбу самозванца!
На Гору отвести Его пора!..»
И жаром кровожадного румянца
Лоснятся лица тех, кто лишь вчера

Пришедшему спасти всех нас осанну,
От счастья чуть не плача, пел взхлёб,
И, подойдя к Нему, в одно касанье
Излечивался кто-то от хвороб.

Толпа рычит, как псов свирепых стая,
Но не бывало истины верней:
Мир можно только так спасти – спасая
Их, возжелавших гибели Твоей.

2 июня 2002 г.

Густые краски заката

(Из детства)

Густые тревожные краски заката
Легли на озябшую речку за хатой,
И, жарко летучей звездой светясь,
Вслед дню уходящему вскинулся язь.

Познавшие ратную сталь и потраву,
Качнулись навстречу высокие травы,
По горлу, чтоб я допоздна не уснул,
Студёной росой, как ножом, полоснув.

И вот под мерцающей звёздами синью
Острее запахло бессмертной полынью,
И, как троглодита дремучая мысль,
Шарахнулась мимо летучая мышь.

И я испугался, дитя-недотрога...
И, может, грядущие поиски Бога
Предчувствуя, к небу глазёнки воздев,
Шепчу я впервые: «О Боже! Ты где?..»

5 июля 2002 г.

Потёмки душ

Покуда не узнал я свет,
С которым чище жизнь земная,
Жила в потёмках много лет
Моя душа, а не чужая.

Вокруг цветущий луг дышал,
Над лугом птицы пели громко,
Сияло солнце, а душа
Блуждала всё равно в потёмках.

И я, немало нагрешив,
Скажу, хоть голос тих и ломок:
«Потёмки собственной души
Куда страшней чужих потёмок».

Лютует ли мороз, иль май
Глядится в чистые криницы,
О Всемогущий Бог, не дай
Нам в наших душах заблудиться.

Но каждому из нас внуши,
Что можно (иначе не выжить)
Лишь светом собственной души
Чужой души потёмки выжечь.

11 июля 2002 г.

Слепая любовь

Мне говорят, увы, смешна,
А иногда опасна
Любовь слепая. Но она
Воистину прекрасна.

Слепая к родине любовь
И к женщине, с которой
Ты ощущаешь вновь и вновь,
Что с ней свернёшь ты горы.

Чиста, прозрачна, как родник,
К тому ж я с детства знаю:
Слепому дождику сродни
Она, любовь слепая.

Слепой любовью царство тьмы
Осилим, спору нету,
Ведь, что ни говорите, мы
Любовью живы этой.

И я шепчу от полноты
Чувств, щедрых на горенье:
«Любовь слепая, только ты
Даруешь нам прозренья».

12 июля 2002 г.

О славе

Вдруг однажды ты поймёшь с тоскою,
Словно даль приблизится к глазам:
Самой громкой славою мирскою
Славу неба не постигнуть нам.

Не подняться башне Вавилонской
Выше умалившейся души,
Никакой трубе иерихонской
Тихий храм души не сокрушить.

И сверкает мысль, остра, как бритва,
И судить не надо и рядить:
Медным трубам не родить молитву,
Но молитва может песнь родить.

И тогда, красивых слов отраву
Отведя от уст, придут слова:
Есть иная, истинная слава,
Та, что Божьей славою жива.

14 июля 2002 г.

Чудо

Выхожу, начихав на простуду,
За обласканный травкой плетень,
А за ним начинается чудо –
Новый, небом взлелеянный день.

Над землёю и в сердце светает,
А в реке, разбудив голавля,
Белоснежное облачко тает,
Словно сахарная голова.

Вряд ли где-нибудь счастлив я буду,
Разве мог бы в другой стороне
Приобщиться я к этому чуду
Каждой жилкой, звенящей во мне?

Каждой радугой, канувшей в Лету,
Каждой лужицей с майской водой
И за пазухою отогретой,
Каждой с неба упавшей звездой?

Нет, не возраста это причуды...
Что бы умники там ни несли,
Это Бог мой дарует мне чудо
Постижения отчей земли.

17 июля 2002 г.

Под плакучими ивами

(Валентине)

Осень, громами ворочая грозными,
Клёны тряся и берёзы,
Над опустевшими птичьими гнёздами
Льёт крокодиловы слёзы.

Где-то висит семицветная радуга;
Солнце приветствуя где-то,
Райские птицы без устали ратуют
За бесконечное лето.

Смотрятся где-то такими счастливыми
Люди, судьбою хранимы!
Где-то... А здесь, под плакучими ивами,
В кротости несокрушима,

Ты мне шептала губами желанными:
«Вот тебе истина истин –
Свет разглядим за любыми туманами,
Если в себе его ищем».

18 июля 2002 г.

У этой речки

Я доволен своей, пусть не сладкой, судьбою,
Потому что моя она, эта судьба.
Здесь, у речки, впадающей в небо седьмое,
Ось земная скрипела в ночи, как арба.

И отбоя мне не было здесь от кукушек,
Каждый день предлагавших бессмертье за «так».
Это здесь вечерами десятки лягушек
Подавали мальчишке свой царственный знак.

Это здесь, чтоб усвоил навек я, до гроба,
Поумерив мою молодецкую прыть,
Мать учила смотреть меня под ноги, чтобы
На упавшую звёздочку не наступить.

Это здесь, от измученных жизнью старушек,
Но чьих душ никогда не тускнеет накал,
Я узнал, сколько раз от смертельных ловушек
Бог меня, враждовавшего с Богом, спасал.

И однажды, когда в небе утреннем птицы
Пели, жизни моей отрицая сумбур,
Здесь, у речки, впадающей в Божью десницу,
Я в свою наконец-то поверил судьбу.

20 июля 2002 г.

Встань и иди!

Вновь бросает в испарину тело,
Спотыкается сердце в груди,
Но сквозь бездну времён то и дело
Слышу голос я: «Встань и иди!

Встань, хоть болью исходят суставы
И чугуной всё тяжесть седин,
И пусть в ярости бьётся лукавый
От бессилия... встань и иди!

Не страшись ни навета, ни сглаза,
У тебя ещё всё впереди,
Ты ведь жив, ты не умер, как Лазарь,
А поэтому – встань и иди!

Встань, из сердца сомнения выжив,
Злость мирскую в себе остудив,
И не к звёздам, а дальше и выше –
Через тернии к Богу иди».

22 июля 2002 г.

Прошли дожди...

Прошли дожди. Земля помолодела.
И вновь стеной стоит у самых глаз
Трава, которой косы не указ,
И вновь живут в ладу душа и тело.

И, докатившись до пределов неба,
Являя миру жизни торжество,
Щекочет слух потомка моего
Могучий шелест зреющего хлеба.

Не счастье ли, сравнимое с любовью,
Когда однажды, в Боге возродясь,
Ты чувствуешь времён живую связь
Сплетением всех жил, набухших кровью?

И, радуясь духовному рождению,
Оглядывая новый окоём,
Готов ты по земле пройти дождём,
Пусть тем, слепым, но светлым, как прозреньё.

24 июля 2002 г.

Буратино

Он целый воз несчастий снёс,
Но бескорыстно, страстно
Суёт он свой предлинный нос
Туда, куда нам страшно.

Он никогда нас не предаст,
За правду встав горою,
Он, деревянный, нам не даст
Окаменеть душою.

И если по носу тебя
Пройдоха и невежа
Вдруг щёлкнет, он шепнёт, любя:
«Ты только нос не вешай».

И пусть с другим – в руке рука –
Ушла вчера Мальвина,
Жизнь, как порою ни горька,
Слаще любой малины.

Он, деревянный, смог сберечь
В себе живое пламя,
Костями за нос готовый лечь
Иль встать крестом над нами.

26 июля 2002 г.

Всё – в Божьей руке

То ли лестница в небо уходит витая,
То ли воздух горячий дрожит вдалеке,
И опять надо мной мамин голос витает:
«Всё свершится, сыночек, всё – в Божьей руке».

Я, с утра облачённый в гордыню и шорты,
Снисходительно слушал, травинку жуя,
И смеялся, не веря ни в Бога, ни в чёрта,
А потом и в себе разуверился я.

И рванулсЯ со дна преисподней лукавый,
Словно карточный домик, меня сокрушив,
Ненасытно, злорадно, утробно лакая
Из моей прозябавшей в потёмках души.

Я, увы, никогда б не пришёл к Саваофу,
Не услышал бы я Всемогущего глас,
Если б я, блудный сын, не взошёл на Голгофу
Материнских, слезами раздавленных, глаз.

Мамы нет... Без неё мир такой сиротливый...
Но оттуда, где тучка плывёт налегке,
Льётся голос негромкий, родной и счастливый:
«Всё свершилось, сыночек, всё – в Божьей руке».

30 июля 2002 г.

Взявшись за руки

(Жене)

Я знаю, этот день загадан
Тобою в прошлый звездопад,
И вот у самого заката
Сидим, как много лет назад.

Мы здорово с тобою сдали,
Что ж, время всё-таки не мёд,
И тот, кто сделан не из стали,
Меня, наверное, поймёт

Всем счастьем, жгучим и превратным,
И той пудовой солью лет,
Поймёт, коль золотом закатным,
Смеясь, оплачивал рассвет.

Поймёт, как мы понять сумели:
Нет в мире ничего важней
Души, живущей на пределе
Неповторимости своей.

В уже темнеющие дали
Мы, взявшись за руки, глядим...
Мы здорово с тобою сдали,
Но небо всё ж не отдадим.

31 июля 2002 г.

Выйду на крылечко

Выйду на крылечко,
Когда дом уснёт,
Голубая в речку
Звёздочка скользнёт.

И застывшим в страхе
Карасям – кто спит? –
Где зимуют раки,
Щука разъяснит.

И, как на ладони,
В зазеркалье вод
Я увижу: тонет
В окнах небосвод.

А лягушка сонно
Вскрикнет на луне,
Царскую корону
Увидав во сне.

Это ли не чудо:
На излёте лет
Зреть, как отовсюду
Льётся дивный свет?!

А ведь был, как штольня,
Раньше тёмен я.
Господи, за что мне
Благодать Твоя?

1 августа 2002 г.

Золото души

(Другу)

Жизнь твою крутые грозы полнили,
И чтоб ты их, друг мой, не забыл,
На твоих больших ладонях молнии
Запеклись, как линии судьбы.

Жизнь тебя и мяла, и коверкала,
Но шутил ты грустно, волей дюж:
Рожа коль крива, пенять на зеркало
Нечего, и снова ты за гуж

Взялся, уповая на Всевышнего,
На гордыню наступив свою...
Господи, как много было лишнего
В сердце, долго слушавшем змею.

Больше жизнь не испугает ковами,
И в холодный пот не бросит гром.
Не с того ль виски твои окованы
Самым чистым в мире серебром?

Ты вовек над золотом колдующим
Не сидел, но свет в себе взрастил,
И на ветер, в парус веры дующий,
Золото своей души пустил.

2 августа 2002 г.

Утром над рекой

Облака надо мною высоки,
И смотрю я взволнованно, немо,
Как со дна посветлевшей реки
Облака поднимаются в небо,

И, спугнув карасей и плотву,
Мимо рощи и отчего крова
За три моря и дальше плывут –
В моё детство, где Божьих коровок

Я на узкой ладошке пасу
В середине горячего лета
И у Бога прощенья прошу
Для её, всё жирующих, деток.

Облака над землёй высоки
И белы, как пасхальная свечка,
Чтоб увидел я, как вопреки
Всем законам, вспять двинулась речка,

Отражаясь в промытом окне,
Наливаясь весеннею силой,
Чтобы неба седьмого хватило
До скончанья времён ей и мне.

5 августа 2002 г.

Кротость поэта

(Другу поэту)

Ты удачлив, ты в расцвете сил,
Но на гребне шумного везенья
Кротости у Господа проси –
Золота душевного прозренья.

Кротости – не шубы с царских плеч.
Сколько раз в миру уже случилось:
Кротость в рог бараний гнула меч,
И о кротость пуля спотыкалась.

Не проси у Бога серебра,
Но коленопреклонённо, внятно
Кротости проси – она сестра
Стали нержавеющей булатной.

Кротости проси – богатства нет
Чище и, конечно ж, полновесней.
Будет кротость – будет в сердце свет,
И во славу Бога будет песня.

А когда увянет жизни сад,
Как бы там, в аду, ни упирались,
Вспомни: над Голгофой небеса
На неё, на кротость, опирались.

5 августа 2002 г.

Животворная клинопись злаков

Здесь все запахи города мигом поправ,
На земле первозданной, нетронутой плугом,
В человеческий рост встали запахи трав,
И от них у луны голова идёт кругом.

Тишину, по которой скучал я весьма,
Древним шелестом крыльев озвучила птица,
Словно это мне степь прошептала сама:
Есть ещё у неё порох в пороховницах!

Просто так не скосить её, не растоптать,
Не сгноить, как ни скор человек на расправу,
Могут травы её то подкрасться, как тать,
То страшней диких орд её дикие травы.

И, наверное, что-то случилось со мной,
Если понял: одною мы связаны цепью
С ней, коль я, умалясь до былинки степной,
Вдруг узрел всё величие неба над степью.

Я стою у великой зелёной стены,
И совсем не о прошлом, как это ни странно, –
Животворная клинопись злаков степных
О грядущем звенит мне всю ночь неустанно.

6 августа 2002 г.

Осенним вечером

Птица на ветке осенней сидит,
Над вечереющей далью
Сонно колдуя. И снова саднит
В сердце, прозревшем печалью,

День уходящий. Но знать не хочу,
Сколько ещё мне осталось.
Главное – чтобы была по плечу
Сердцу горячему старость,

Чтоб никогда и нигде – ни на шаг
От обретённого Слова,
Чтобы не стала с овчинку душа
С небом, нависшим свинцово.

Время, увы, никого не щадит,
Но каждый вздох твой в угоду
Богу, коль сердце твоё не чадит
Даже в сырую погоду.

Этому – рог изобилья и вал
Благ, что я сроду не ведал,
Мне же Господь мой печаль даровал,
Чтобы я радость не предал.

10 августа 2002 г.

У ночного окна

Замерев, смотрю я из окна,
Как за речкой, встав из трав некошенных,
На церковном куполе луна
Мается принцессой на горошине.

И, повергнув гладь речную в зыбь,
Озадачив жеребёнка сивого,
Во сто крат скупей мужской слезы,
Вдруг звезда упала с неба синего.

И не ей ли вслед из глаз моих
Покатались слёзы благодарности
За моих друзей, ещё живых,
Избежавших серых лап бездарности,

Не способных сердцем биться вспять,
В рог бараний гнувших стужу лютую,
И умевших друга отстоять,
Если друг был смят душевной смутою.

И молю я Бога у окна,
Чтоб Он всех нас мужеством терпения
Одарил... Проходит ночь, а сна –
Ни в одном глазу, но есть прозрение.

14 августа 2002 г.

Затеплилась зорька

Затеплилась зорька в окошке моём.
Над речкой туман поредел,
И крик петушиный, качнув окоём,
Не за море ли полетел?

Бодрящей прохладой встречает меня
Рассвет, отоспавшись во ржи,
И не за морями, а здесь, у плетня,
Всё золото мира лежит.

Нельзя разменять его на пустяки,
Упрятать нельзя в кошелёк.
Ну как разменять жар отцовской руки?
Как спрятать блик солнца в чулок?

Нельзя удержать в жадных пальцах родник,
Зажать горизонты в горсти.
Как можно истратить луны золотник
Иль ветры на ветер пустить?

И жарко шепчу я, который грешил,
Спасённый от злобы и лжи:
«Всё золото мира не стоит души,
Понявшей, где злато лежит».

15 августа 2002 г.

Июльский гром

Никого не трогая,
Никому не страшный,
Так и ходит гоголем
Пред калиной красной

Гром июльский в кружеве
Облаков залётных,
А за речкой дюжие
В теремах добротных

Парни дурью маются –
Что-то охраняют.
Гром аж заикается,
Слыша, как пеняют

На судьбу охранники,
Глядя в мир украдкой:
Меж кнутом и пряником
Жить, увы, не сладко.

Но всё это – мелочи,
Я ведь не об этом –
Глянь: совсем по-беличьи
Солнце крутит лето,

И мелькают пёстрые
Дни быстротекущей
Жизни нашей... Просто я
Слышу: в день грядущий, –

Дышит ветер взмыленный,
По небу кочуя, –
Только б не сгубили мы
Красоту земную.

16 августа 2002 г.

Пятая графа

(Сыну)

Всю жизнь мою, сынок, не скрою,
Как ни печально – это факт:
Как меч дамоклов, надо мною
Висела пятая графа.

Таскал мешки я вдоль причалов
У грозных северных морей,
Но пятая графа торчала
Из каждой косточки моей.

Я был на «ты» с лопатой, с ломом,
Но, нет, не ими, дорогой
Мой сын, я был едва не сломан,
А этой пятою графой.

Меня стерегли, словно клячу,
Но никогда – я слово дал –
Над пятою стеною плача,
Себя жалея, не рыдал,

Поскольку, изорвав ладони
О камень, чёрный, как графит,
Я вдруг душой прозревшей понял:
Мы с Богом из одной графы.

17 августа 2002 г.

Выйду утром на крылечко

(О маме)

Выйду утром на крылечко,
Посмотрю с крылечка в речку,
Обмакну перо в рассвет
И легко, как сизый голубь,
Взмою в небо, словно гору,
Сбросив с плеч полсотни лет.

И оттуда я увижу,
Как мы с мамой, чудом выжив
В том году сорок седьмом,
Позабыты белым светом,
Но согреты бабьим летом,
Слушаем далёкий гром.

И светлеют наши лица,
Как от солнышка криница,
И не хочется мне ныть.
И летит над пайкой хлеба
Паутина... или с небом
Нас связующая нить?

На крылечко выйду утром
И над старым домом, утлым,
Слёз нежданных, поздних всласть
Нахлебавшись, став добрее,
Взмою в небо, чтоб вернее
К маминым ногам припасть.

18 августа 2002 г.

Свершилось!

Толпа над мученьями Сына глумилась,
И римский солдат Ему сердце пронзил,
Но, мир покидая, сказал Он: «Свершилось!»
И смерть от моей отступила души.

Над бездной времён, беспощадной, суровой,
Сквозь жаркий, в веках нарастающий, гул
Несчётных наречий, последнее Слово
Своё мне, как руку, Господь протянул.

И в скрипе креста, что вознёсся над адом,
Я, за сердце взявшись, как взялся б за ум,
Услышал вдруг шум Гефсиманского сада –
Душевную кротость дарующий шум.

Свершилось! И там, у подножия мира,
Где Бога лукавый хотел осрамить,
Ржавеет поверженной злобы секира,
Мечтавшая небо под корень срубить.

Оказана Сыну высокая милость:
За вечную, в славе немеркнущей, жизнь
Он умер. И главное в мире свершилось –
Мы заново все во Христе родились.

18 августа 2002 г.

Помню, было...

(Воспоминание)

Помню, было лет десять-одиннадцать мне,
Надоело в войну мне играть,
И, прижавшись спиной к восходящей луне,
Я над речкой сидел, у костра.

И картошку печёную, тени спугнув,
На слабеющий глядя огонь,
Словно ветер кораблик с волны на волну,
Я с ладони бросал на ладонь.

Рядом вскинулся окунь, а может быть, язь,
Брызг холодных взметнув фейерверк,
И глаза мои, звёздами щедро слезясь, –
Не от дыма ли? – щурились вверх.

Надоело мне в красных и белых играть.
Мне поведал один старичок:
«Знай, ни красным, ни белым небесную рать
Никогда не осилить, сынок».

И, хлебнувший несладкого детства пострел,
От недетских раздумий сопя,
Я впервые, наверное, в небо смотрел
Так, как, может быть, смотрят в себя.

23 августа 2002 г.

Тишина

Обложила ночь наш дом саманный,
И смотрю я, не сдаваясь сну,
Как пасётся за плетнём буланный
Мерин, в речку потеснив луну.

Был почище грома всяких пушек
Грохот в Лету канувшего дня,
Тишина, врачующая душу,
Что ни ночь – желанней для меня.

Вот она, в сирени утопая,
Нежный вздох срывая с чьих-то губ,
Вдоль столетья юного ступает,
Каждый шорох пробуя на зуб.

И порою кажется мне: где бы
И в какой ни жил я стороне,
Я всегда услышу голос Неба,
Если буду верен тишине.

И плывёт над миром, ночь порушив,
Дальними зарницами светясь,
Тишина, врачующая душу,
Тишина – как Божья ипостась.

28 августа 2002 г.

Тайная вечеря

Как сладок был он, хлеб послевоенный,
Посыпанный солдатской серой солью,
Когда мы с мамой под луной согбенной
На луговом вечерали приволье.

Травинки каждой шепоток несмелый
Тянулся к небу звёздному упрямо...
А в центре мироздания, на белой
Тряпице чёрный хлеб лежал. И мама,

Смахнув слезинку в жёсткие ладони,
Ломала хлеб уверенно и нежно –
Науке этой (я с годами понял)
Учиться надо долго и прилежно.

Мне мама тихо что-то говорила,
Но видел я: ей с болью нету сладу.
Она, в меня вложившая все силы,
Наверно, знала: ученик я слабый.

Я столько раз ей доставлял страдания!
Чем глубину любви её измерить?..
Мне помнить до последнего дыханья
Ту, нашу с мамой, тайную вечерю.

31 августа 2002 г.

Евреи

Не раз гонимы были мы и биты,
И если нас с лица земли сотрут,
Земля, конечно, не сойдёт с орбиты
И реки вспять вовек не потекут.

Нас могут закопать, отправить в небыль,
И всё ж не лопнет жизни вечной нить...
Всё так же будет солнце править небом
И аисты – младенцев приносить.

И, мир собой украсив, будет дорог
Другой Эйнштейн искромсанной земле
И тысячи безвестных, но в которых
Живут Шекспир, и Пушкин, и Рабле.

Сжечь всех нас могут, по ветру развеяв
Наш прах, но птицы будут петь рассвет,
Увы, не замечая, что евреев
Уже давно на белом свете нет.

Но если мы не избежим убогой
Судьбы и рухнем птахой, сбитой влёт,
Тогда ответьте на вопрос: кто к Богу
Единому народы приведёт?

4 сентября 2002 г.

Серый день

За резным окошком день
В облаке мохнатом
Зацепился за плетень
Сереньким закатом.

Серый дождик моросит
Нудно, неустанно,
Им уже по горло сыт
Серый полустанок.

И под серостью небес
Неокрепший толком
Кем-то вырубленный лес
Смотрит серым волком.

Правят миром серый цвет
И тона глухие.
Разве ярче красок нет?
Где цвета другие?

Здесь они! В моей крови,
Что, сметая серый
Цвет, звенит мне о любви,
Окрылённой верой

И окрасившей рассвет
Тот, грядущий, вешний,
Может, в самый чудный цвет,
В цвет надежды вечной.

11 сентября 2002 г.

Фараонов раб

На зубах скрипит песок,
Окопалась боль в затылке,
Солнце ломится в висок
И вот-вот взорвётся в жилке.

Безответен, загнан, слаб,
Надломившись в пояснице,
Пирамиду строит раб –
Фараонову гробницу.

А когда взойдёт луна
Под густой, подобный грому,
Львиный рык, в объятья сна
Он нырнёт, как в чёрный омут,

Чтоб увидеть странный сон,
Пирамидой не подмятый,
Как плечо подставит он
Под тяжёлый крест щербатый.

И поймёт назло векам,
Что стоит меж ним и Словом:
Мёртвым не дано богам
Дотянуться до живого.

15 сентября 2002 г.

Цветы у дороги

Покрытые пылью, стоят у дороги
Цветы, раздарившие свой аромат
Дорожным рабочим, забывшим о Боге,
Сменившим «великий, могучий» на мат.

И сердце моё разрывается снова,
Когда, что ни шаг, у меня на глазах
Под тяжестью семиэтажного слова
Цветы задыхаются, падая в прах.

Цветы голубые и цвета заката...
Ну в чём виноваты, скажите, они,
Чей запах, уже уходящий куда-то,
Наверно, предсмертному вздоху сродни?

А люди прошли, не заметив степное
Раздолье – им надо дорогу мостить,
Оставив раздавленные за спиною
Цветы, как сожжённые ими мосты.

20 сентября 2002 г.

Медвежий уголок

Здесь что ни труба – указующий перст,
Здесь травы вкуснее ватрушки,
Здесь звёзды, срываясь с насиженных мест,
Летят в поднебесье речушки.

Но главное вовсе не в этом, о нет!
Здесь мира и дружбы основа –
Заблудшую душу врачующий свет,
Зажжённый от Божьего Слова.

Не раз разбивали здесь дьявола в пух
И прах петушины крики,
Здесь даже усталые лица старух,
Как солнца прозревшие блики.

Здесь льются счастливые слёзы из глаз –
Так птицы звенят на рассвете,
Как будто воскресли, чтоб радовать нас,
Убитые Иродом дети.

Неспешно плывущая жизни ладья,
Лугов самобраная скатерть...
Вы скажете: «Угол медвежий», а я
Отвечу: «Небесная паперть!»

21 сентября 2002 г.

Осенним утром

Заплутал в облаках непролазных рассвет...
И, маня своим грустным покоем,
До исподнего белых берёзок раздет,
Дремлет парк над пустынной рекою.

Я стою у воды, осторожно дыша:
Не спугнуть бы блик солнца нежданный.
И такая вокруг тишина, что душа
Слышит собственный вздох покаянный.

И уже, с облаками плывя наравне,
Верой в небо рассветное поднят,
Вижу: вскинулась рыба, но, кажется мне,
Не из речки – из длани Господней.

Знаю я, как ни гнул бы, ни мял меня быт –
Свет небес не погаснет в окошке:
Не пятью ли хлебами бывал и я сыт,
Когда не было в доме ни крошки?

И всё чаще и явственней чувствую я –
Так, наверное, будет до гроба –
Смотрит вслед мне Господь или мама моя,
Или смотрят мне вслед они оба.

25 сентября 2002 г.

Он ждёт...

Вдоль трав, покосившихся в лунном сиянье,
Спешишь ты на встречу с любимой своей,
Про самое главное в жизни свиданье
Забыв в круговерти бесчисленных дней.

Важнее воды и, конечно же, хлеба
Свидание с Богом. Он ждёт на углу
Души твоей спящей и вечного неба...
Всевышний – преграда кромешному злу.

Не важно, ты дома иль в дальнем вояже
Теряешь мелькающим станциям счёт,
Он ждёт тебя здесь и повсюду, и даже
Когда тебя в мире никто уж не ждёт.

Он ждёт, чтобы, жизнь свою небом наполнив,
Лукавого смог ты легко обуздать.
Он ждёт терпеливо и кротко, но помни:
На это свиданье нельзя опоздать.

29 сентября 2002 г.

Высекаю свет

(Жене)

Отзвенело лето голосами
Птичьих стай на утренней заре,
Ходят тучи над землёй кругами,
Не меня ль на мамином дворе

Высмотрев?.. Но мне совсем не страшно,
Потому что в мыслях своих чист,
Не за место бьюсь в ряду калашном –
Сердцем бьюсь о каждый палый лист,

О зарю вечернюю, о россыпь
Рос, звеневших под косой хмельной,
О звезду падучую, об осень,
Что дымится нашей сединой,

О твой голос, нежный и негромкий,
А ещё, и в том весь мой секрет:
Бьюсь я о чужой души потёмки
И – о счастье! – высекаю свет.

1 октября 2002 г.

Журавлиный крик

Мир дышит ширью изначальной,
И слушают река и лес,
Как журавлиный крик печальный
Стекает медленно с небес.

Вот он поникших трав коснулся,
Свет бледных зорь в себе храня,
Дымком над хатою качнулся
И, словно ось, прошил меня.

Есть в долгом крике журавлином
Неизъяснимая тоска
О поле чистом и былинном,
Как материнская рука.

И никуда вовек не деться
От ощущения: в крике том
Живут и первый крик младенца,
И вздох последний о былом.

И вновь кричит, меня тревожа:
«Писать стихи пришла пора», –
Клин журавлиный, так похожий
На остриё пера.

3 октября 2002 г.

Плакучая ива

(О маме)

Мне нравится ольха, орех
И тополь стройно-горделивый,
Но больше всех, но больше всех
Плакучую люблю я иву.

Не потому ли, что готов
Жить с верой до черты могильной?
Есть что-то от солдатских вдов
В ней, кроткой и такой двужильной.

Люблю, отбросив снов рваньё,
Смотреть (что может быть чудесней?),
Как слёзы длинные её
Впадают в речку или в песню.

И нежностью щемящей грудь
Вот-вот наполнится с краями,
И я вдруг постигаю суть
Той кротости, что Бог мой в маме

Затеплил, как свечу в окне,
Чтоб мне в ночи не потеряться;
Той кротости, к которой мне
Всю жизнь, я знаю, подниматься.

12 октября 2002 г.

В степи

Сижу на просторе степном у телеги я,
Полынью исхлёстанный горькой,
И смотрит, грустна и нежна, как элегия,
Мне в душу вечерняя зорька.

И мерин, усталостью крепко стреноженный,
Поев с пятерни моей хлеба,
Не видит, как, птицей ночной потревожена,
Луна поднимается в небо,

Как радостно никнут, росой покорённые,
Косу осрашившие травы,
И чувствую я, как душа просветлённая
Вдругу встала на цыпочки славы.

О, нет, не своей, а Господней, сияющей
И в небе, и в хижине серой,
Из тьмы суеверия нас поднимающей
Под солнце врачующей веры.

И так мне светло и вольготно в немереной
Степи, что смеюсь я без страха:
Всё то, что в миру было мною утеряно,
Не стоит и своего праха.

14 октября 2002 г.

Я уже почти бессмертный

Мимо зарослей крушины,
Мимо тучки, сбитой влёт,
Звонкой глоткой петушиной
Вывернувшись, день встаёт.

Ломит зубы от студёных,
До костей пробравших рос
И от трав, таких зелёных,
Аж оскомина у кос.

Что мне годы, коль молодке
Вслед до ночи петь готов
Петушок, катая в глотке
Звонкий жар моих стихов.

И пускай давно навывлет
Сединой прострелен чуб,
Время душу не осилит,
Коль ей небо по плечу.

И от свежести рассветной,
Что дарует неба синь,
Я уже почти бессмертный,
Как река или полынь.

21 октября 2002 г.

Монолог Стены Плача

Окаменевших слёз стена – я
Опять взываю, люди, к вам,
Послушайте, как я стенаю,
Прижавшись к вашим скорбным лбам!

Погладьте мой шершавый камень,
Что на бессмертье обречён.
Нет, он изъеден не веками –
Сердцами он изрешечён.

И пусть имеющие уши
Услышат всюду на земле,
Как бьётся камень мой о души,
Окаменевшие во зле.

О души, как это ни странно,
Евреев, выживших едва,
Вдруг превратившихся в «Иванов»,
Увы, не помнящих родства.

И не забыть мне тех, встававших
За каждый новый день стеной
И в прах не канувших, но ставших
Стеною Плача – то есть мной.

22 октября 2002 г.

Ситец в окошке

(О маме)

В охвативших полнеба рассветных лучах
Без остатка сгорели туманы,
И сверкает роса на сутулых плечах
Белой старенькой хаты саманной.

И, раздвинув во все горизонты мой кров,
Может быть, до последнего края,
В каждой жилке напрягшейся с вечностью кровь
В поддавки бесшабашно играет.

Вот сейчас, ощущая упругость травы,
Я шагну в светозарное утро,
Где июльские громы быстрее молвы
Покатались над хатою утлой,

Где петух заливается, как соловей,
В облаках промелькнувших витая,
Где, омытые ширью бескрайних полей,
Семь небес в нашу речку впадают.

Вот сейчас я шагну за разбитый порог
И увижу, как ситец в горошек,
Сдвинув Богом согретый небесный чертог,
Вслед мне смотрит из вдовьих окошек.

25 октября 2002 г.

Божий страх

Я, забывший о любви и кротости,
Был на волосок от страшной пропасти,
И вогнал в холодный пот меня
Жар потустороннего огня,

Чтоб узнал я, что от страха подлого,
Жалко-унизительного, потного,
Душу рассыпающего в прах,
Есть одно спасенье – Божий страх.

Чтоб услышал я, вися над бездною:
Жить не страшно ль, змея в себе пестуя?
Берегись! И помни об одном:
Ты играешь с Богом, не с огнём.

И тогда, я знаю, небо радуя,
Из калёной петли круга адова
Вырвалась, улыбчиво дыша,
Страхом окрылённая душа.

26 октября 2002 г.

Последний лист

Рассвет загнав за облака, как в клетку,
Ноябрь шумит, и холоден, и мглист,
Но намертво вцепился в свою ветку
Последний и вконец поблёкший лист.

Весь день он слышит, как вокруг шурует
И каркает глумливо вороньё,
Но держится, надежду мне даруя,
Последний лист за дерево своё.

Не слышать бы (на землю пасть не проще ль?)
Разбойничий в два пальца ветра свист,
Но держится последний лист за рощу,
А может, роща – за последний лист.

27 октября 2002 г.

Я к Богу пришёл...

(О маме)

Я к Богу пришёл не за златом иль хлебом,
Не теремом красным я бредил давно,
А ставшим души продолжением – небом,
С овчинку которому стать не дано.

Оно никогда не оставит без света
Меня, хоть я в ярости слепнул не раз,
Поскольку я небо выглядывал это
Из маминых нежностью таявших глаз.

Я к вечному небу шёл самой короткой
И горькой дорогой – вдоль вдовьих морщин.
И мама смотрела печально и кротко,
Молитву даря, – от лукавого щит,

Чтоб с неба в сиянье по-южному крупных
Звёзд голос раздался: «Смотри, не зарой
В прах жажду небес...» И седин неподкупных
Свет тихий мне брезжил рассветной зарёй.

О, нет, не за счастьем земным, быстротечным
Я к Богу пришёл, от шатаний устав,
За небом, распятым над городом вечным
И снятым солдатской вдовою с креста.

28 октября 2002 г.

Пути Господни

Пути Всевышнего – не наши
Пути, но знаю, жизнь итожа,
Что из Его небесной чаши
Испить бессмертие мы можем.

Есть у людей такое право,
Дарованное вечным небом:
Жить в светлом мире Божьей славы
Или уйти бесславно в небыль.

И я, исполненный тревоги,
Взгляд обратил к Нему свой робкий.
Его вселенские дороги –
Не наши путанные тропки.

Но каждый день, чтоб кто-то выжил,
Должны учиться Божьи чада
Круг солнца поднимать всё выше,
Иль в ночь сойдём кругами ада.

Так пусть, слабеющих уважив,
Весенним громом голос грянет:
«Пути Всевышнего – не ваши,
Но ваши судьбы – в Божьей длани».

30 октября 2002 г.

Белая лебедь

Помню я, друг меня крепко обидел...
Как теперь жить? Но в набухших слезах
Очи я поднял к горе и увидел:
Белая лебедь парит в небесах.

Волосы стали пороши белее,
Чёрная в сердце вползает печаль,
Но каждодневно я вижу, светлея,
Белую лебедь, плывущую вдаль.

Хляби ль разверзлись небесные, стужа ль
Кости пытается мои на излом –
Чтобы я выдержал, выстоял, сдюжил,
Белая лебедь мне машет крылом.

Серым своим равнодушьем ощерясь,
Серый, как волк, донимает нас быт,
Но никакая, поверьте мне, серость
Белую лебедь вовек не затмит.

Я в этом мире огромном – песчинка,
Только меня в порошок не стереть,
Если я в небе, пусть даже с овчинку,
Белую лебедь смогу разглядеть.

3 ноября 2002 г.

Пророк районного масштаба

Цепким взглядом всего меня меряя,
Он шептал, будто боль заглушив:
«Скучно жить на задворках империи,
Страшно жить на задворках души».

И стремительно в бездну летящая
Мимо чьих-то надежд и тревог
Прозревала душа моя спящая
Светом каждого слова его.

Он в поджилках трусливой вибрации
Не испытывал, где бы ни жил,
Потому что в любой ситуации
Божий страх в своём сердце хранил.

Говорил он с улыбкой несмелою,
Живший в цокольном этаже:
«Помни, брат мой: историю делают
Не в крутых теремах, а в душе –

А в душе человека спасённого,
К небесам обратившего взор...»
У пророка масштаба районного,
Знать, вселенский был кругозор.

6 ноября 2002 г.

Две женщины, два ангела

(О маме и сестре)

Две женщины, два ангела... Без них,
Меня берёгших как зеницу ока,
Не жить бы мне, а их вот нет в живых...
И я сквозь мрак осиротевших окон

Гляжу во двор, где окружила дом
Уже почти безлиственная осень,
Где, с гребня тучи вдруг сорвавшись, гром
Забился рядом, как в падучей, оземь.

И молния, сверкнувшая в ночи,
Ослепла тут же в ней, непроходимой...
Две женщины, две хрупкие свечи,
Истаяли, но свет их негасимый

Я чувствую, пока дышать смогу,
Не путая рассветы и закаты,
Я как зеницу ока сберегу,
Как сберегли они меня когда-то.

7 ноября 2002 г.

День рожденья

В чёрных сухожилиях голых веток,
Грузно навалившись на плетень,
Мается, не радуясь рассвету,
Серый моего рожденья день.

Солнышко за тучи закатилось.
Сыро... И тоска больней осы
Жалит в грудь. Яви мне, Боже, милость –
Солнечными бликами осыпъ

Эту неухоженную землю,
Рощицу пустую, словно жмых,
Речку и меня, в котором дремлет
Слава всех безвестных и немых.

Господи, побольше дай мне света!
Свет мне нужен, а не жирный куш,
Свет, шутя переходящий Лету
И потёмки самых тёмных душ,

Свет, рождённый в сердце человека.
Господи, есть просьба у меня:
Дай мне света до скончанья века
Иль хотя бы до скончанья дня.

25 ноября 2002 г.

Часы

Слушает ночь, погрузившая в сон
Домик мой, как равнодушно
Капает вечность со стрелок часов,
В вечность идущих послушно.

Что им, часам этим, трель соловья
Или дыхание луга?
Всё возвращая на круги своя,
Движутся стрелки по кругу.

Как на невзятый покуда редут,
Словно консервные банки,
Дни нашей жизни сминая, ползут
Стрелок угрюмые танки.

Холодом дышат часы. Ну и пусть!
Ибо держу я равненье
На взбунтовавшийся жаркий мой пульс,
В каждое вливший мгновенье

Кровь ту, в которую тысячи раз
Я упирался, как в стремя,
И без которой, наверное, враз
Остановилось бы время.

26 ноября 2002 г.

Горит свеча

Ночь подступила к самому крылечку,
Закат в полнеба мигом укротив,
И я затеплил на окошке свечку
Для тех, кого застанет ночь в пути.

Горит свеча светло, самозабвенно
На стыке ночи и души моей,
Горит свеча, да так, что по колено
Ей море электрических огней.

Нет, не гордыня это, не надменность,
Смотри, она горит и слёзы льёт,
И тает, тает, тает... но нетленность
Звезды той, Вифлеемской, в ней живёт.

И я шепчу: «Поэтому, пожалуй,
Её не загасило вороньё
И страшные вселенские пожары
Сгорели в кротком пламени её.

И те, кому судилось, может, чаще
Других на свет её ломиться сквозь
Кромешный ад, из хрупкой, нечадящей
Свечи земную отливали ось».

6 декабря 2002 г.

Без вести пропавшим

Шум голосов людских смолкает.
Окончен праздничный парад,
Но гром весенний окликает
Пропавших без вести солдат.

В лесах пропавших и в лиманах,
Недотянувших до стены
Кремлёвской... Нету безымянных
И неизвестных у весны.

И жадно слушает, умыта
Рассветной свежестью, сосна,
Как высекает дятел чьи-то
На бронзе бликов имена.

Их мне паролем шепчут травы...
И дождик (даром что слепой),
Как пасынков капризной славы,
Пропавших без вести домой

Ведёт под шелест краснотала
На полустанки, в города...
И чьё-то имя загадала
Над миром каждая звезда.

9 декабря 2002 г.

Рояль

Он элегантен и степенен,
Но сколько скрытого огня
В нём, чьи поющие ступени
Возносят к Господу меня.

То блёклых трав глухая смута,
То пенный вал, то тихий пруд
Под каждой клавишею, будто
Под куполом небес живут.

И будут, что там ни случится,
Всегда сиять в моих ночах
То чёрно-белая жар-птица,
То бело-чёрная свеча.

Сидел я долго у рояля
И слушал, благостно застыв,
Как с неба ангелы роняли
Неувядавшие цветы.

10 декабря 2002 г.

Осеннее

Листья кленовые жаром холодным
Дышат над сумрачной рябью воды,
Вечер над краем моим плодородным
Смотрит в глазок одинокой звезды.

Осень пришла. И с просторов размытых
Дышит в лицо запредельная даль,
Но ни надежд, ни иллюзий разбитых –
Только омытая светом печаль.

Осень пришла ко мне вовсе не в гости –
Время её наступило уже,
Но ни обид, ни сомнений, ни злости –
Только смирение в прозревшей душе.

Может, поэтому в тощей котомке
Месяца, нет, не пятак, а любим
Небом, нашёл я свой голос негромкий,
Голос, который не спутать с другим.

12 декабря 2002 г.

Твои глаза

Я заглянул тебе в глаза –
Куда вся жизнь былая делась?
И понял: нет пути назад,
Да мне назад и не хотелось.

И счастьем не было конца,
Такого я не ведал сроду,
Как будто с твоего лица
Я пил взахлёб живую воду.

Я посмотрел тебе в глаза,
На мир глядевшие устало,
А в них – счастливая звезда
Звездой Полярною блистала.

А в них – как мог не видеть я? –
В них, чёрных, как бездонный омут,
Жил, мудрость всех времён тая,
Свет голубого окоёма.

И вновь в глаза родные я,
Мирским не сдавшийся тревогам,
Смотрю, как в книгу Бытия,
Навек мне отданную Богом.

13 декабря 2002 г.

Моя земля

Сверкает солнце жаркое,
Огнём стучась в виски,
Под триумфальной аркою
Полуденной реки.

А за рекой, где вольная
Степь разлилась кругом,
Грохочет, как крамольные
Стихи читает, гром.

И в музыке волнующей
Ещё неясных слов,
Меня со мной связующей,
Я слышу неба зов.

И словно откровение –
Пьянящий жар в крови,
Чтоб понял я: прозрения
Нет без слепой любви

К земле, чей свет мытарили
И зависть, и навет;
К земле, что мне подарена
Спасителем навек.

15 декабря 2002 г.

Приходят к Богу...

Приходят к Богу не за златом,
Приходят к Богу за спасеньем,
Чтоб, даже стоя пред закатом,
Не осквернить рассвет сомненьем.

По-разному приходят к Богу:
Один – печальями чужими,
Другой – нелёгкую дорогу
Кровенит пятками своими.

И что бы в жизни ни случилось,
Коль ты смирил свою гордыню,
С тобой пребудет Божья милость,
Глас вопиющего в пустыне

Услышан будет в горних высях,
Где веют ласковые ветры,
Поскольку всё-таки не высох
Твоей души источник щедрый.

Путь к Богу труден, но не сетуй,
Когда идёшь по самой кромке
Добра и зла... Лишь Божьим светом
Ты с душ чужих смахнёшь потёмки.

16 декабря 2002 г.

Жду пришествия

С горизонта не спуская
Глаз, сижу я у воды.
Набегает ширь морская
Наподобие орды.

И пьянее ягод винных,
Из бездонной глубины
Звёзды шелестом былинных
Трав и шелестом волны

Окликают землю эту,
Каждый уголок её,
И лампадным кротким светом
Чуть забрезжил окоём,

Словно веру мне даруя
В то, что, хоть и бренна плоть,
Скоро, скоро жизнь вторую
Всем спасённым даст Господь.

И пусть брызг холодных горек
Вкус, от сладких млея дум,
Не погоды жду у моря,
А пришествия я жду.

17 декабря 2002 г.

Зимняя ночь

К окошку с маминой геранью
Припав, я долго не усну,
Глазея, как мороз в бараний
Рог запросто согнул луну.

И звёзды, небо покидая,
В мир мчатся, сбросив бездны кладь,
Так часто, что я успеваю
Все-все желанья загадать.

Они просты, мои желанья:
Да будет, Боже, Твоя власть,
Не дай в бесплодность отрицанья
Мне, как в слепую ересь, впасть.

И никогда меня с лукавым
Не оставляй наедине,
И пусть лишь светом Божьей славы
Мои стихи живут во мне.

Дай умалиться – не согнуться
В бараний рог. Ещё молю:
Не дай мне, Господи, споткнуться
О душу слабую мою.

17 декабря 2002 г.

Парус

Мелькает парус в океане,
В полуденную даль маня,
Наверно, даже сам «Титаник»
Не взволновал бы так меня.

Что – парус? Белая тряпица
Среди катящихся валов,
Но лёгок и крылат, как птица,
Он соткан из семи ветров.

Судьбе капризной карты спутав,
Он положил для нас, людей,
Седьмое небо и семь футов
На музыку души своей.

Не очень, вроде бы, приметный,
Где бурей океан изрыт,
То зорькой вспыхнет он рассветной,
То кротко, как свеча, горит,

Которую средь пенных дебрей
Волн, мчащихся в ночную глушь,
Господь над бездною затеплил
За упокой Им взятых душ.

17 декабря 2002 г.

У круга Полярного

У круга Полярного вьюга метёт,
Следы наши вмиг заметая.
Жизнь, в общем, не сахар, но слаще, чем мёд,
Последняя банка минтая.

Мороз – не приснится такой и во сне:
Огнём обжигает паяльным.
Десятый круг ада, подумалось мне,
Наверно, зовётся Полярным.

И душу терзает немолкнувший свист
Снегов, а мне кажется – сходней
В ад сущий... И к Господу я, атеист,
Взываю со дна преисподней.

И сердцем, уже остывавшим в груди,
Познавшим достаточно скверны,
Вдруг Голос услышал я: «Встань и иди!
Я путь укажу тебе верный».

Я выжил, чтоб дали иные узреть
И с истиной главной сродниться:
Как важно в назначенный срок умереть,
Чтоб снова – чтоб свыше родиться.

18 декабря 2002 г.

Ты дана мне Богом

(Жене)

Над волною, чайкой оперённой,
Жаркой медью о крыло звеня,
Весь твоей улыбкой просветлённый,
День встаёт, тоску смахнув с меня.

Не падут вселенские устои,
Ибо знаю, взгляд к горе воздев,
Мировая скорбь моя не стоит
Солнечного блика на воде

И улыбки, что светлей таланта,
Дабы мог понять я кровью всей:
Мудрость самых мудрых фолиантов
Твоего каприза не мудрей.

Потому что, глядя на движение
Волн, у неба спрашиваю я:
«Может быть, ты – моря продолжение
Или море – ипостась твоя?»

И, наперекор любым тревогам,
Неземная радость входит в грудь.
Не затем ли ты дана мне Богом,
Чтоб короче к Богу стал мой путь?

22 декабря 2002 г.

Воспоминание о детстве

В целебной вымокнув росе,
Смотрю, ржаной сухарь вкушая,
Как ловит сонных карасей
В пруду Медведица Большая.

Ещё не кончилась война,
Ещё идут бои лихие,
Но слышу: шепчет бузина
Про дядьку, что зовёт нас в Киев.

Ещё летает чёрный прах,
И продолжают потери,
И утопает мир в слезах,
Которым лишь Москва не верит.

Но чудом выживший петух,
Звонящим звёздам потакая,
Непритязательный мой слух
Почище соловья ласкает.

И средь уже чужих полей
Мы движемся, врага сминая,
И ненависть в груди моей
Печаль смиренная сменяет.

23 декабря 2002 г.

Давай помолимся...

(Сыну)

Когда судьба меня за горло лихо
Хватала, и казалось, – всё, конец,
Ты приходил и говорил мне тихо:
«Давай вдвоём помолимся, отец.

Помолимся за падших и спасённых,
За кротких и за тех, чей рот, как пасть,
За нищих и за властью облечённых,
Особенно за них, чей жребий – власть.

Не верь неутешительным приметам –
Жизнь, что бы ни случилось, хороша.
Давай, отец, помолимся, и светом
Наполнится озябшая душа.

Чтоб злая ярость белого каленья
Не затопила мир до самых глаз,
Давай падём, как дети, на колени,
И Всемогущий Бог услышит нас».

Ещё смущаюсь я, ещё робею,
Но знаю я, настал желанный срок:
Господь меня слышал, коль тебе я
Шепчу: «Давай помолимся, сынок».

25 декабря 2002 г.

Голос в тишине

(Жене)

Летний вечер колдует над хатой моей,
К ней дорогу вдоль речки разведав.
Звёзд капель и дыхание лунных морей
Не дадут мне уснуть до рассвета.

Мне до зорьки рассветной не даст тишина
На подушке бессонной забыться,
Потому что божественных звуков полна
Тишина, от которой забыться

Может гром, потрясённый музыкой её,
Или, в речку роняя зарницы,
Росной ширью дыша, закусив окоём,
Ночь, как молодость наша, промчится.

А быть может, – от мысли я этой никак
Отрешиться не в силах, – и вышел
В тишину я, а может, она – это знак,
Человеком полученный свыше?

Никогда не слышал я такой тишины,
И догадка вдруг в сердце толкает:
Перед тем, как услышать мы Бога должны,
Тишина к нам приходит такая.

27 декабря 2002 г.

Ступени

Жизнь, как ступени, – вниз и вверх:
То майских бликов фейерверк,
То хитрой подкольной
Змеёй вползает в сердце страх,
С небес меня бросая в прах,
Точнее – в пот холодный.

Но снова вспыхнул свет вдали,
И ночи тень сошла с земли,
И ты узрел дорогу.
Как ты её не видеть мог
Среди змеящихся дорог,
Единственную – к Богу?

Ступени вверх, ступени вниз.
И шепоток змеи, как бриз,
Внизу ласкает тени.
И снова страх наполнил грудь.
Дай, Боже, силы мне тянуть
Лишь вверх, к Тебе, ступени.

28 декабря 2002 г.

Я Бога искал

Встречая рассветные чистые зори,
Алевшие нежно над скулами скал,
Я Бога искал возле тёплого моря,
И в тундре чукотской Его я искал.

За тысячи вёрст от родного порога,
В степи и у крепких бобровых запруд,
И ноги, и душу кровеня, я Бога
Искал, но, увы, был напрасен мой труд.

Я Бога искал... В этих поисках между
Харибдой и Сциллой случалось мне плыть,
И к небу глаза поднимал я с надеждой –
Ну где, как не на небе, Господу быть?

Я Бога порой на пределе дыханья
Искал, не один истоптав окоём...
Я Бога искал по всему мирозданию,
А Он ожидал меня в сердце моём.

29 декабря 2002 г.

Впереди дорога

(Из детства)

Власть свою над миром ширя,
За окном плывёт луна.
Я один в пустой квартире.
Зимний вечер. Тишина.

Я один. Мне страшно очень.
И когда не вмоготу
Стало мне, вдруг чьи-то очи
Потеснили темноту.

Удивительно живые,
Изгоняющие страх...
И душа моя, впервые
Отряхнув сомнений прах,

Небо вечное узрела,
Чтоб навек сродниться с ним.
Было невдомёк пострелу,
Что он Господом любим,

Что сквозь горькие тревоги
Суждено ему пройти,
Чтоб понять в конце дороги:
Вся дорога – впереди.

30 декабря 2002 г.

Содержание

Без вести пропавшим	199
Белая лебедь	193
Бессмертная любовь	130
Бессонница	29
Богу и маме	77
Божий страх	189
Божье Слово	57
Буратино	156
В моём окне	104
В начале марта	42
В ночном море	120
В степи	185
В шахтёрском городке	73
Верующему	35
Весна	15
Весне улыбкой потакая	113
Вечернее	70
Вечность	137
Взявшись за руки	158
Возвращение	128

Воспоминание о детстве	210
Воспоминание о марш-броске	59
Воспоминание о рыбной ловле	36
Впереди дорога	215
Всё – в Божьей руке	157
Встань и иди!	154
Встреча	131
Встреча у мусорного бака	89
Вся, как лунь, седая	27
Выбирая судьбу	101
Выйду на крылечко	159
Выйду утром на крылечко	170
Высекаю свет	182
Выше неба	55
Год 1947-й	14
Год чёрной лошади	107
Голос в тишине	212
Голоса Бабьего Яра	93
Гончар	16
Горит свеча	198
Горы	66
Господний страх	102
Господь Ведущий	80

Гроза	75
Густые краски заката	147
Давай помолимся	211
Два человека	123
Две женщины, два ангела	195
День рожденья	196
Дождь в деревне	63
Дождя бы	76
Друзьям детства	96
Духота	69
Душа	133
Евреи	175
Евреи в пустыне	22
Её лицо в распахнутом окне	140
Жара	116
Жду пришествия	205
Животворная клинопись знаков	163
Журавлиный крик	183
За рекой	45
За руки взявшись	90
Затеplилась зорька	166
Звезда	47
Звезда в моём окне	52

Звезда в окне	37
Звезда над Вифлеемом	51
Зимняя ночь	206
Золото души	160
Исаак Бабель	28
История.....	62
Июльский гром	167
Как мог я	25
Кассандра	115
Клубились стаи туч	117
Когда останешься один	44
Когда уже совсем не вмоготу	11
Колокольный звон	124
Кротость поэта	162
Кукушка	121
«Курск»	18
Лето	61
Лира поэта	94
Лунная ночь	134
Лунные моря	125
Май	95
Майский день	111
Майской ночью	110

Мартовский гололёд в 1946 г	38
Медвежий уголок	179
Мёд	12
Мне воздастся по вере	48
Моим друзьям	40
Монолог глины	72
Монолог зла	34
Монолог неба	144
Монолог солнца	26
Монолог Стены Плача	187
Моя земля	203
Моя родина	58
На заре	56
На родине	145
Над рекой	127
Небо, мне распахнутое Богом	100
Новый Одиссей	79
Ночь в степи	50
Ночью в степи	139
О славе	150
Обращение к душе	20
Обретённым бессмертием делаясь	74
Однажды летним вечером	109

Однажды на Севере	132
Он ждёт	181
Он простил	54
Осеннее	201
Осенним вечером	164
Осенним утром	180
Осень	129
От солнца сладко щурясь	60
Падает снег	105
Парус	207
Первобытный охотник	13
Перевязанный маминой шалью	23
Плакучая ива	184
Плывут облака	122
Побелка	91
Под плакучими ивами	152
Пожар	98
Помню, было	172
Помощь Спасителя	43
Послания апостола Павла	71
Последний в ряду	53
Последний лист	190
Последний трамвай	19

Послушай тишину	64
Потёмки душ	148
Поэт о самом главном	99
Поэт районного масштаба	67
Правда	126
Притихли трусливо дворняжки	33
Приходят к Богу	204
Пророк районного масштаба	194
Прошли дожди	155
Прощание с детством	97
Птицы	24
Птицы летят на юг	17
Пути Господни	192
Пчела и самолёт	135
Пятая графа	169
Пять дней	146
Рассвет	106
Родина	65
Рояль	200
Свершилось!	171
Свет в мамином окне	46
Свет звезды	108
Свеча в окне	119

Свечка осенью	112
Свобода и истина	49
Сентябрь	32
Серый день	176
Синайская пустыня	41
Ситец в окошке	188
Слепая любовь	149
Сны	143
Созвездие Гончих Псов	30
Спасибо, Господь	138
Старый солдат	118
Ступени	213
Тайная вечеря	174
Твои глаза	202
Тихим вечером	31
Тишина	173
Ты дана мне Богом	209
У костра	114
У круга Полярного	208
У моря	141
У ночного окна	165
У этой речки	153
Увы, родился я ослом	68

Утро в степи	21
Утром над рекой	161
Ученики	78
Фараонов раб	177
Цветы у дороги	178
Часы	197
Чудо	151
Это с годами я стал понимать	136
Я Бога искал	214
Я жарю картошку	103
Я к Богу пришёл	191
Я не о хлебе – о душе	142
Я уже почти бессмертный	186

Юрий Зиновьевич Каминский
(1938–2007) – один из наиболее ярких русскоязычных поэтов, который постоянно жил и работал на Криворожье. Поэтом

он был, по его словам, всегда: «Пишу стихи, сколько себя помню». И своей любовью к поэзии он был обязан трём женщинам: матери, сестре и учительнице русского языка и литературы.

Впервые стихи Каминского были напечатаны в 1954 году. За эту публикацию он получил первую в своей жизни премию как победитель литературного конкурса. Став христианином, Юрий Каминский посвятил свой талант Тому, Кто его ему дал.

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Вся дорога –
впереди

И

Юрий Каминский

Юрий Каминский

Вся дорога –
впереди

СВЕТ НА ВОСТОКЕ